

Наталья
Московских
Вера
Золотарева

Древо

18+

книга II

Наталия Московских

Еретик. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Московских Н.

Еретик. Книга 2 / Н. Московских — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99088-3

Продолжение истории "Еретик" и погружение в прошлое главных героев. История, рассказанная при свечах в доме лесной ведьмы, раскрывает тайну графства Кантелё, в котором нашел убежище еретик Ансель де Кутт. Молодой граф Гийом де'Кантелё, волею случая проявивший интерес сразу к двум запретным еретическим учениям, старается найти истину среди пронизывающих его жизнь противоречий, сохранив свои изыскания в секрете от инквизиции, а свои сомнения — в тайне от всего мира. Но ни он, ни доносчики Святого Официума не подозревают, где и как на самом деле хранятся самые опасные секреты.

ISBN 978-5-532-99088-3

© Московских Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

‡ 1348 ‡	5
‡ 1349 ‡	14
‡ 1350 ‡	26
‡ 1351 ‡	30
‡ 1352 ‡	36
‡ 1353 ‡	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталия Московских, Вера Золотарёва

Еретик. Книга 2

‡ 1348 ‡

*S'aimer pour nous est interdit
Impossible amour
Mais amour infini
S'aimer pour nous n'est pas permis
Indicible est l'amour
C'est ce qu'ils nous auront appris*

E. Moire

Кантелё, Франция

Год 1348 от Рождества Христова

Случайно попавшая в пучок травы острая палочка уколола палец. Коротко и тихо ахнув, Элиза отдернула руку и присмотрелась к месту укола. Палец был цел.

«И хорошо», – подумала она, улыбаясь и невольно отвлекаясь от своего занятия, привлеченная красотой ясного утра. Недоплетенный веночек из трав и тонких веревочек остался лежать у нее на коленях, покорно ожидая, когда его доделают.

Рени играла с котенком. Элиза замерла, увлекшись этим зрелищем. Сестра водила по деревянному полу хворостинкой, и зверек, которого она недавно нашла на улице, прыгал вслед за шорохом. Кошки искренне любили Рени – словно по волшебству, они приходили к ней, ластились и отвечали довольным урчанием, когда ее нежные руки касались их мягкой шерстки. Позволяя играть с собой, они просили взамен лишь немного угощения. В доме они при этом не селились, предпочитая приходить время от времени и играть с Рени, а после с истинной кошачьей вольностью уходить, куда им вздумается. Хотя если б кому-то из этих пушистых попрошайек все же всерьез взбрело в голову остаться надолго, никто из обитательниц дома никогда бы этому не воспротивился. Все трое – две юные девочки и женщина – относились к животным с большой любовью и никогда бы их не прогнали.

Глядя на сестру, Элиза невольно вспомнила тот день, когда ее матушка привела Рени к ним домой. Поначалу, увидев мать необычайно грустной, Элиза испугалась и приготовилась выслушивать плохие новости, но затем... затем из-за подола платья Фелис показалась маленькая рыжеволосая девочка, с интересом разглядывавшая все вокруг огромными сверкающими глазами, сжимая в руках небольшую сумку с вещами. В тот день Фелис со странной смесью тепла и тоски сообщила своей единственной дочери:

– Я свою сестру потеряла, но зато ты – сейчас обретешь.

И хотя Элиза любила и ценила уединение, такому прибавлению в доме почему-то совсем не воспротивилась: Рени сразу понравилась ей.

С того момента прошло уже несколько лет – Элиза сосредоточенно сидела, пытаясь подсчитать, сколько. Она не была уверена, что помнила правильно, но все равно ощутила себя очень взрослой. И не даром! Если б она не была взрослой, матушка не оставила бы ее приглядывать за хозяйством на целых два дня, пока сама совершает покупки в соседней деревне. Думая об этом, Элиза гордилась тем, как матушка доверяет ей, и не собиралась ее подвести.

Переполюбливая девочку гордость искала выход. Сидеть на месте было невыносимо: хотелось вскочить, начать делать что-то *деловитое*, важное, но Элиза рассудила, что взрослые не срываются с места ни с того ни с сего, а ведут себя сдержаннее и все обдумывают. Решив посту-

пить так же, Элиза нетерпеливо поправила светлую косичку, и длина в который раз показалась ей непривычно маленькой. Волосы остригли совсем недавно. Скоро ей должно было исполниться десять лет, и матушка сказала, что после этого волосы лучше будет перестать стричь, потому что в них начнет накапливаться сила, которая очень нужна женщине, пока она растёт. Элиза была совсем не против – длинные волосы казались ей очень красивыми, и она с нетерпением ждала, когда они отрастут.

От размышлений и наблюдений за игрой Рени ее отвлек прорезавший тишину летнего утра требовательный крик, донесшийся со стороны дороги:

– *Эли-и-и-за!*

Услышав этот голос, Рени картинно закатила глаза. Элиза, не обратив внимания на ее недовольство, тут же отложила венок на стол, вскочила и, широко улыбнувшись, побежала на улицу.

По самой границе между лесом и полем проходила широкая тропа, ведущая к лесному домику Фелис напрямик от графского особняка, минуя остальные дома, рассредоточенные к востоку.

Выйдя на улицу, Элиза разглядела вдалеке две фигуры. Одна была ей хорошо знакома, вторая – нет. Элиза с любопытством двинулась навстречу посетителям, гадая, кого привел с собой ее друг. Мальчик чуть ли не вприпрыжку бежал по тропе, нетерпеливо оглядываясь на свою спутницу, которая шла, на его взгляд, непростительно медленно. Элиза, напоминая себе о собственной взрослости, шагала неспешно, хотя ноги так и просились помчаться вперед.

Наконец расстояние сократилось настолько, чтобы можно было рассмотреть спутницу мальчика. Элиза прежде не видела ее, поэтому особенно ею заинтересовалась.

Это была миниатюрная темноволосая девочка в красивом, но запачканном дорожной пылью платье. Она глядела вокруг с нескрываемым любопытством – явно приехала сюда впервые и будто хотела вобрать в себя все возможные впечатления и запомнить каждый листочек и каждую травинку на своем пути. Создавалось впечатление, что эти края привлекают ее какой-то волшебной, небывалой красотой, хотя Элиза не понимала, чем может так впечатлить обычная хоженная тропа через поле. Сложная прическа из косиц и шпилек на голове незнакомки сбилась – похоже, кто-то пытался зачесать ее густые волосы так, чтобы они выглядели подобающим образом, но старания пошли прахом.

Вторым гостем был хорошо знакомый худощавый мальчишка с тонкими, немного угловатыми чертами лица. Хитро поглядывая на Элизу, он подобрался и важно приподнял подбородок, будто пытался показать, что приходится хозяином всему вокруг. Впрочем, в какой-то степени так оно и было.

– Ваше сиятельство, – слегка кривляясь, склонила голову Элиза.

Мальчик поморщился.

– Элиза, ну ты опять? – протянул он. – Я же просил не называть меня так!

– Но ты же сиятельство, – хихикнула Элиза и с важным видом добавила: – Моя матушка обращается так к твоим родителям.

– А ко мне так обращаются *слуги*. И они мне не нравятся, – насупился мальчик в ответ.

Элиза рассмеялась.

– Ладно, Гийом, больше не буду, – примирительно ответила она. Легкая насмешливость из ее голоса при этом никуда не делась. Мальчик закатила глаза, но махнул рукой и повернулся к своей спутнице.

– Это Жаннетта, – представил он, решив, что этого вполне достаточно.

Темноволосая девочка скривилась, будто он сказал что-то неприятное.

– Дурацкое имя, – буркнула она себе под нос.

– Почему? – удивилась Элиза. – Красивое.

– Мне не нравится.

Элизу это замечание привело в легкое недоумение, а девочка тут же показалась ей немного странной. Однако ей не хотелось никого обижать, поэтому она лишь пожала плечами и промолчала.

– А это Элиза, – представил ее Гийом, небрежно махнув рукой в ее сторону. – И у нее проблем с именем нет.

Элиза невольно прыснула от смеха, увидев, как сердито нахмурилась Жаннетта. И почему слова Гийома про имя так задели ее? Странно.

– Можешь позвать сестру. И идем гулять. – Гийом произнес это так, будто только что оказал всем огромную услугу.

Элиза сердито посмотрела на него.

«Как называть его сиятельством, так он не любит, а как говорить приказным тоном, так он запросто!» – подумала она. Ее злость подкрепляло то, что Гийом не всегда себя так вел: когда рядом больше никого не было, он обычно не важничал.

Элиза почувствовала, как щеки ее вспыхивают от возмущения. И хотя мгновение назад она и сама собиралась окликнуть Рени, теперь ей хотелось поступить Гийому наперекор. Слишком уж ей не нравилось, когда он раздавал приказы – особенно ей в присутствии других людей, перед которыми он рисовался.

«Но не оставлять же Рени одну, только потому что мне не понравился его тон», – с тяжелым вздохом подумала Элиза.

Вложив в свой голос все недовольство, на которое была способна, она вскинула подбородок и холодно ответила:

– Сейчас.

– Теперь ты лови! – Элиза ткнула зазевавшегося Гийома в плечо и, хихикая, понеслась прочь, увлекая за собой Жаннетту.

– Ах ты... – Он бросился вслед за убегающими девочками, и те, восторженно визжа, припустились быстрее. Рени скрылась где-то в золотисто-желтых колосьях так, что потерялась из виду, и Гийом не питал надежды отыскать ее в этой игре. Поле казалось таким огромным, что в нем можно было затеряться, как в океане. Гийом никогда не видел океанов, но слышал о них от взрослых – это как большое море, а море – как очень большое озеро. Такое большое, что в него может поместиться вся Франция, и даже больше! До моря можно было бы доехать и посмотреть, что это такое. Но пока что Гийому этого сделать не удалось, поэтому приходилось довольствоваться лишь сравнениями, пришедшими в голову.

– Все равно не убежите! – крикнул он вслед двум мелькающим в высокой траве подолам юбок, и в ответ ему вновь послышался смех и шуршание колосьев.

Элиза и Жаннетта добежали до края поля и, быстро проскочив дорогу, юркнули за дерево, затаив дыхание.

– Думаешь, найдет? – Элиза быстро выглянула из-за ствола, попытавшись разглядеть преследователя, но не увидела его, и снова спряталась.

– Может, хотя бы не сразу! – Жаннетта прислонилась к дереву, стараясь отдышаться.

Элиза одарила ее улыбкой. Жаннетта оказалась вовсе не такой угрюмой, как показалось на первый взгляд. Как и Гийом, она происходила из знатного рода, но говорить об этом не любила и, в отличие от наследника Кантелё, ни перед кем не рисовалась. Из сбивчивого рассказа гостей Элиза узнала, что Жаннетту привезли в Кантелё, чтобы познакомить с Гийомом – ее родители в будущем надеялись на взаимовыгодный брак. Узнав об этом, дети резко воспро-

тивились и решили во что бы то ни стало расстроить планы родителей, даже если ради этого придется непрестанно громить дом, пока им не пойдут на уступки. Заявив свой протест, Гийом и Жаннетта сговорились и решили сбежать из дома через ход для прислуги. Ничего лучше, чем заявиться сюда – в так называемый ведьмин дом – они не придумали.

– Что-то я не вижу, где он, – пробормотала Элиза, высунувшись из-за дерева в попытке отыскать глазами своего преследователя. – Да куда он делся?

– Попались! – На их плечи одновременно легли две руки, и девочки хором вскрикнули от испуга, оборачиваясь. – Говорил же, не убежите! – Гийом ухмыльнулся, наслаждаясь испугом на их лицах и убирая руки с их плеч.

– Как ты так незаметно подобрался? – удивилась Жаннетта.

– Надо было следить внимательнее, а не глазеть на пустое поле.

– Оно не пустое, там где-то еще Рени, ее ты не поймал! – упрямо возразила Элиза.

Гийом досадливо поморщился.

– Я вообще не понимаю, как можно поймать твою сестру, – качнул головой он. – Она неуловимая!

– Почему? – зазвучал невинный голос у него за спиной, и тут настала очередь Гийома вздрагивать от неожиданности. – Я же здесь.

Рени окинула их вопрошающим взглядом, выходя на свет, но никто не нашелся, что ответить. Гийом лишь слегка передернул плечами. Сестра Элизы казалась ему странной, хотя он вовсе не считал, что рыжие волосы делают ее порождением бесов. Те деревенские жители, которые тихо перешептывались об этом, были явно не в себе – в этом Гийом был уверен. Люди вообще часто шепчутся, но далеко не всегда заслуживают того, чтобы их слушать.

Через несколько часов за Жаннеттой все же пришли слуги. Найдя беглянку, они долго охали и вздыхали, как сильно дети переполошили всех своим побегом. Жаннетта была пристыжена и готовилась к тому, как крепко ей достанется по возвращении. Слуги, осмелев, попытались увести с собой и Гийома, но упрямство сумасбродного мальчишки довольно быстро заставило их прекратить попытки.

Уходя, Жаннетта тоскливо оборачивалась в сторону новоприобретенных друзей. Казалось, она уже тоскует по ним так, будто это их первая и последняя встреча.

Рени утомилась от игр и, попрощавшись, устремилась в дом.

Элиза и Гийом остались одни. Мальчик испытующе посмотрел на подругу, будто интересуясь, не собирается ли и она уйти. Убедившись, что Элиза остается с ним, Гийом расплылся в улыбке и хитро прищурился:

– Есть идеи, что делать дальше?

Элиза пожала плечами, пытаясь что-нибудь придумать. Она посмотрела на Гийома, будто могла найти в нем подсказку, но нашла лишь нетерпеливое ожидание. Тем временем на лицо мальчика легли четкие тени, подчеркнув тонкие скулы и сделав его похожим на маленького, но хищного и даже опасного лесного зверька.

– Чего смотришь? – недовольно спросил Гийом.

Элиза улыбнулась. Ей вдруг захотелось кое-что сделать для него, и она решила не отказывать себе в этом.

– Подожди меня здесь. Я сейчас! – сказала она и поспешила в дом, откуда до ушей мальчика донеслось тихое шуршание. Уже через мгновение Элиза снова появилась на пороге, мед-

ленно направившись к Гийому. Теперь она не смотрела на него – все ее внимание было сосредоточено на доплетаемом на ходу венке из травы, веревочек и полевых цветов.

– Сама сплела? – Гийом заинтересованно подошел и уставился на украшение. В его доме обретались различные драгоценности, но отчего-то они интересовали мальчика куда меньше.

– Да. А как же иначе? Когда плетешь венок или браслет... или даже просто косицу, важно, чтобы ты делала это сама. – Элиза провела рукой по своим волосам. – Потому что ты туда, – она помедлила, подбирая слово, – *думаешь*. Думаешь всякое хорошее, понимаешь? *Заплетаешь* хорошее. И оно там остается, а потом этим можно пользоваться.

– Это какая-то магия? Сложное запретное колдовство, да? Нужны... ритуалы, чтобы этим пользоваться? – подобравшись, спросил Гийом. Он пытался говорить с легким нарочитым укором, какой был принят в его кругах, но не мог, потому что «сложное запретное колдовство» вызывало у него интерес, а не осуждение.

Он знал, что Элиза не верит в то, во что верит он и его семья. Что она не христианка. И не молится. И не носит нательного креста. И почему-то многим из-за этого она казалась опасной, хотя Гийом, как ни силился, не мог понять, почему.

– Не нужны ритуалы! – Элиза звонко рассмеялась. Подойдя ближе, она привстала на цыпочки и надела венок ему на голову. – Все просто!

Гийом открыл было рот, чтобы возмутиться, но не стал.

– Просто, значит. Ну, спасибо. – Он потрогал странное сооружение на своей голове и косо улыбнулся. – Я теперь похож на лесного гоблина.

– Не похож. – Элиза легонько толкнула его в грудь. – Тебе даже идет.

Венок и вправду на удивление сочетался с его длинной подпоясанной рубахой, украшенной тонким растительным узором.

– Может быть, – задумчиво сказал он, поднимая глаза к небу. Солнце скоро должно было сесть. Гийом нехотя повернулся к Элизе и сказал: – Кажется, мне все-таки пора уходить. Зазеваюсь – придется идти в темноте.

Элиза кивнула.

– Лучше не надо, – настоятельно ответила она. Гийом поджал губы: было видно, что уходить ему не хотелось.

– Спасибо за... это. – Он неловко поправил съехавший на лоб венок и неспешно зашагал к тропе. – Доброй ночи, Элиза. Храни тебя Бог.

Элиза неловко нахмурилась, понимая, что не знает, что отвечать. Решив, что выбрала самый верный ответ, она произнесла:

– И тебя... пусть хранит. Доброй ночи.

Она посмотрела мальчику вслед, вздохнула, оправляя платье, и вернулась в дом.

Гийом побрел к особняку, с удовлетворением подумав о том, какую реакцию его странный внешний вид вызовет у семьи. Если родители все еще держат в головах идею о его помолвке, то теперь перестанут. Гийом верил, что «дар ведьмы» поможет ему в этом.

Графское семейство очень неоднозначно относилось к дружбе своего единственного наследника с теми, кого звали ведьмами. С одной стороны, они, закрывая глаза на неподобающее мировоззрение, украдкой посылали слуг к Фелис за травяными настойками, которые, как знала вся округа, и вправду лечили недуги, в отличие от того, что предлагали многие лекари-недоучки. С другой – то, что кроме визитов по делу, юному графу взбрело в голову *дружить* с дочерью язычницы, вызывало в семье явное неодобрение, но они не придумали способа помешать мальчику это делать – он умудрялся с поразительной изворотливостью избегать наказаний и запретов.

Тем временем, солнце скрылось за лесом, погрузив в сумерки графские владения.

Монмен, Франция

Год 1348 от Рождества Христова

Небольшая деревушка Монмен этим мрачным днем походила на живую иллюстрацию к Страшному Суду. Черные провалы окон оставленных домов, еще недавно жилых, грязные хоженные дорожки, размытые недавним дождем, снующие повсюду крысы, отвратительный смрад разложения, окутавший все вокруг...

Вивьен Колер стоял посреди деревни, глядя на церковь Больё, близ которой немногочисленные выжившие горой сложили изуродованные тела своих друзей, знакомых и родственников.

Чума ворвалась в деревню хищным зверем и изничтожила большую часть жителей за считанные дни.

«Я должен подойти, должен убедиться... я для этого и приехал», – мысленно приказывал себе Вивьен, а ноги были не в силах двинуться с места. Его молчаливый спутник, словно почувствовав его переживания, положил руку ему на плечо. У рта и носа он держал чистый платок, чтобы не вдыхать смрад смерти, втайне надеясь, что это примитивное средство защитит от страшного мора.

Ренар по прозвищу Клещ всю дорогу задавал себе вопрос, зачем он согласился улизнуть из Сент-Уэна с Вивьеном, почему не отговорил его от этой отчаянной вылазки, он ведь изначально знал, что это путешествие сопряжено с огромной опасностью. А если они заболели и принесут смерть в аббатство?

– Вив, – мрачно обратился Ренар, отгоняя от себя опасливые мысли. Он старался убедить себя, что Господь посылает мор за людские грехи, а лично Ренару Цирону аббат отпустил грехи и позволил ему начать новую жизнь. Воистину, мор не должен его коснуться.

«Господи, Отец наш Небесный, спаси и сохрани грешного твоего раба от этой страшной болезни!» – думал он.

Вивьена, казалось, болезнь не пугала. Он рассеянно перевел взгляд на друга, но с его губ не сорвалось ни слова. Он был бледен и выглядел совершенно потерянным.

– Вив, – покачивая головой, повторил Ренар сквозь платок. – Ты не обязан туда идти, если не хочешь. Ты же это понимаешь? В деревне чума. Нам лучше уйти.

Вивьен не смог подавить волну дрожи, прокатившуюся по его телу. Переведя дыхание, он покачал головой.

– Нет... Я должен увидеть их. Должен узнать.

– Никак не возьму в толк, зачем это тебе. Есть вещи, о которых лучше не знать.

– Ты не поймешь, – рассеянно, но с удивительной верой в сказанное отозвался Вивьен. Эти слова обычно заставляли Ренара прервать разговор и угрюмо замолчать. Вивьен так и не понял, что это – один из немногих способов задеть Ренара. Возможно, стоило попросить его не поступать так, но сейчас Ренар считал, что для этого не место и не время. Возможно, когда-нибудь потом. Возможно...

Вивьен снова вздохнул, и лицо его побледнело сильнее прежнего.

– Я должен их увидеть, – повторил он, снова повернувшись к другу. На этот раз его взгляд стал более твердым и осмысленным. – Я знаю, что ты боишься мора. Я пойму, если ты предпочтешь подождать меня за чертой Монмена. Тебе не обязательно идти туда вместе со мной.

Ренар упрямо фыркнул.

– Я обещал, что пойду с тобой. Я от своих слов не отказываюсь, знаешь же.

Вивьен благодарно кивнул, и Ренар сделал шаг вперед.

– Покончим с этим поскорее.

Они направились вперед по грязной размытой дороге. Ноги увязали в грязи почти по щиколотку, но они не обращали на это внимания. Вивьен остановился напротив двери в один из домов. Окна его казались мертвыми, безжизненными провалами. Жизнь будто выветрилась отсюда еще раньше, чем из некоторых других домов Монмена. Вивьен толкнул дверь, и та оказалась не заперта.

В доме воздух был спертым и сырым. Было холодно.

– Смертью не пахнет, – тихо произнес Ренар, замечая, что уличный смрад сюда не добрался.

– Эту дверь не открывали уже несколько дней, – упавшим голосом пробормотал Вивьен. – Здесь уже несколько дней никого нет.

Он прошелся по двум комнатам дома и не обнаружил ни малейших признаков жизни.

«Возможно, они просто спешно покинули Монмен, узнав о приближении мора?» – с надеждой спрашивал себя Вивьен. – «Они ведь страшно этого боялись. Они могли так поступить».

Но он с содроганием понимал, что его родню ждала иная судьба. Когда-то давно в приступе злости на отца за его избиения Вивьен пожелал ему смерти. После он корил себя за это и истово молился за семью, пребывая в Сент-Уэне, но нечто внутри него было уверено: он проклял своего отца, и теперь никакими молитвами этого не вытравить. Вивьен ощущал, что глубоко внутри него сидело что-то очень злое, и в тот момент, когда в его разуме родилось проклятие, это чернильно-черное нечто получило силу. Получило *разрешение* действовать.

Ты можешь собой гордиться. Ты ведь сам это сделал. Это ты навлек на них чуму. Ты проклял их, когда они отдавали тебя в монастырь, и они заплатились за то, что сделали, – шептало оно, словно обрета голос.

– Нет... – выдохнул Вивьен вслух, невольно покачнувшись и ухватившись за спинку стула, попавшегося под руку. Ренар тут же оказался рядом с ним.

– Вив, нам лучше уйти отсюда, – снова попросил он. – Здесь никого нет, ты прав. Твои родные могли уйти до прихода чумы. Возможно, они спаслись.

– Ты и сам не веришь в то, что говоришь, – покачал головой Вивьен. – Я должен знать точно.

Ренар устало закатил глаза, но отговаривать друга не стал: если уж ему что-то стукнуло в голову, разубедить его в этом было невозможно.

Они двинулись дальше по дому, осматривая все вокруг и пытаясь отыскать хоть какие-то признаки недавнего пребывания здесь семьи Вивьена.

Ничего.

– Что дальше? – спросил Ренар, вновь оказавшись на пороге.

Вивьен рассеянно поводил глазами по деревне. Завидев одного из своих старых знакомых, он жестом попросил Ренара стоять на месте.

– Я сейчас, – сказал он, и голос его дрогнул. Вивьен почти бегом понесся по грязной дороге в сторону церкви и замер в двух десятках шагов от смердящей кучи тел. Это зрелище вблизи заставило его обомлеть: жуткие бубоны, покрывшие лица несчастных, вызвали в нем невольный приступ тошноты, с которым он с трудом сумел сладить, чтобы обратиться к истощенному молодому мужчине. Тот с потухшим взглядом шел к нему навстречу.

– Тьерри! – окликнул Вивьен.

Мужчина прищурился, словно пытаясь узнать представшего перед ним черноволосого юношу. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться.

– Ох... ты же... сын Грозного Робера, верно? Вивьен. – Имя он произнес с неуверенностью и легкой вопросительной интонацией. – Слышал, ты же в монахи подался.

Вивьен кивнул, стараясь дышать как можно реже. Смерд разложения здесь был просто невыносим.

– Да... да, я до сих пор в монастыре. В Сент-Уэне, недалеко отсюда. Отлучился, когда узнал о болезни. Тьерри, как давно здесь чума? Сколько человек погибло?

Взгляд мужчины потускнел еще сильнее.

– Большинство умерло. Чума здесь уже три недели. Моя Мари тоже померла. Два дня тому назад.

Вивьен сочувственно опустил голову.

– Да смилостивится Господь над ее душой, – произнес он, искренне вознося молитву Богу. – Тьерри, ты не знаешь, что случилось с моей семьей? Я заходил в дом – там пусто. Как будто уже несколько дней никого не было. Они... тоже...

Тьерри печально опустил голову.

– Дом пуст уже несколько недель, а не дней, – сокрушенно проговорил он. – Я соболезную, Вивьен. Их мор забрал первыми. После этого начали гибнуть и другие.

Это ты накликал проклятье на целую деревню своей злостью! Помни об этом! – снова заговорил назойливый, вкрадчивый голос внутри него. Вивьен потряс головой, чтобы избавиться от него. По всему телу вновь прокатилась волна дрожи, внутри зародилось тягучее болезненное чувство. Душой завладели вина и страх.

«Это сделал не я. Я не мог.

Или мог?»

– Я должен идти, – устало проговорил Тьерри. – А тебе лучше держаться отсюда подальше. Даст Господь, мор не тронет тебя. Помолись за меня, Вивьен.

– Да... – отрешенно ответил юноша. – Да, я... обязательно. Храни тебя Бог, Тьерри.

Мужчина кинул и направился вглубь деревни.

С опущенными плечами Вивьен зашагал обратно к порогу своего родного дома. Ренар ждал его, все еще держа платок у рта. Заметив выражение его лица, он покачал головой.

– Мне жаль, Вив. Боюсь, теперь мы можем только помолиться об упокоении их душ.

– Да, – снова отрешенно отозвался Вивьен. – Нужно уходить.

– Здравая мысль, – мягко поддержал Ренар.

Они направились прочь из Монмена.

В голове Вивьена продолжали стучать слова Тьерри: *«Их мор забрал первыми».*

«Первыми».

Вивьен хорошо помнил, что подумал об отце, когда тот, сурово всыпав сыну розг, приказал ему отправляться в монастырь. «Да будь ты проклят со своим монастырем! Боишься мора – от него и издохнешь!» – со злостью подумал Вивьен тогда.

Все детство он раздражался, когда кто-то звал его тем же прозвищем, что и отца. Colère. Гнев, грозность, ярость... Вивьен думал, что ему это прозвище ни в коем случае не подходит, он не считал себя подверженным вспышкам ярости, он был гораздо спокойнее своего отца. Внешне.

«И все же внутри злость всегда казалась мне всеобъемлющей. Я не умел с ней справиться и мог пожелать человеку зла – не вслух, но мысленно. Неужели это могло исполниться? Неужели Господь мог допустить, чтобы это исполнилось?»

Вивьен был в ужасе от этой мысли. Он хотел забыть ее навсегда и никогда к ней не возвращаться. Как никогда и не возвращаться к этому всепоглощающему чувству. Он твердо решил, что ближайшие несколько месяцев будет ежедневно молиться Богу, чтобы Он помог ему сдерживать гнев. Возможно, придется даже исповедоваться в этом аббату Лебо... после того, как тот всыплет им с Ренаром за побег, разумеется.

– Ох и попадет нам сегодня, – задумчиво протянул Ренар.

– Я возьму вину на себя, это ведь было моей идеей, – покачал головой Вивьен.

– Сбежали-то вместе, – не согласился Ренар. – Отвечать за это тоже будем оба. Ты как будто аббата не знаешь! Он ни одному из нас этого с рук не спустит. Впрочем, я знал, на что шел.

– Спасибо, Ренар, – отозвался Вивьен, вновь погружаясь в свои мысли.

‡ 1349 ‡

Аббатство Сен-Пьер-сюр-Див, Франция

Год 1349 от Рождества Христова

Два молодых человека спешили и тщетно попытались прикрыть лицо от хлещущего дождя капюшонами сутан. Сандалии на босу ногу приземлились в грязь размытой дороги перед воротами аббатства Сен-Пьер-сюр-Див, и юноши одновременно поежились от холода, успевшего окутать их по дороге сюда.

– Тьфу ты, твою мать! – сплюнув за землю, выругался Ренар. – Вот мерзость! Пережить чуму, чтобы сдохнуть оттого, что промочил ноги? – Он с негодованием уставился на грязь, окрасившую кожу до щиколоток, и, попытавшись стряхнуть ее, умудрился зажать сутану между пяткой и подошвой, едва не упав.

Вивьен подхватил его под руку, помогая сохранить равновесие. Капюшон слетел с лица, и Ренар вновь выругался.

– Чума еще свирепствует, – резонно заметил Вивьен. – Рано заявлять, что мы ее пережили.

– Твоя правда, – нехотя прокряхтел Ренар. Он подумал снова надвинуть на лицо капюшон, но тут же понял, что толку от этого никакого – они с другом успели вымокнуть до нитки, пока добирались сюда. Вместо того он поправил простой веревочный пояс сутаны и понуро уставился в закрытые ворота.

Из огромного аббатства Сен-Пьер-сюр-Див, раскинувшегося к востоку от реки Див, вот уже несколько месяцев не было никаких вестей. Агенты руанского отделения инквизиции сообщили епископу Лорану, что монахи не выходят на связь и то ли погрузились в затворничество, испугавшись чумы, то ли...

Другие варианты агенты предпочли не озвучивать.

Молодой и деятельный епископ Кантильен Лоран решил не медлить с проверкой и поручил своим новоявленным помощникам, чуть меньше года назад упорхнувшим из-под опеки аббата Лебо, объехать территории нескольких монастырей по всей Нормандии и выведать, что там происходит. Тридцатичетырехлетний францисканец необычайно рано занял пост руанского инквизитора, совместив его с епископской кафедрой. Мало кто верил, что он продержится на нем долго. Мало кто верил, что он – активный и интересующийся делами епархии – вообще переживет смутное время разгула мора. Однако, похоже, планы Кантильена Лорана были несколько иными, и Господь пребывал на его стороне.

Прощаясь с подопечными, Его Преосвященство, казалось, не верил, что увидит их снова. Болезнь, вспыхнувшая год тому назад, все еще свирепствовала во Французских землях, унося с собой множество жизней. Мор повергал в ужас людей по всему миру, заставляя кого-то наложить на себя руки в страхе перед муками болезни, других – пуститься в бега в попытках скрыться от чумы, третьих – вести затворнический образ жизни, а четвертых – отвернуться от Бога и обратиться к сатане, потому что они считали, что настал конец света, а дорога в Рай им явно не открылась.

Последние случаи для Церкви в эти тяжелые годы были наиболее опасными. Инквизиция, будучи самой рьяной блюстительницей истинной веры, должна была не допустить случаев отречения монахов от Господа. И, разумеется, не допустить, чтобы вести об этом – если такие случаи имели место – разнеслись по округе.

– Как думаешь, они вообще живы? – мрачно спросил Ренар, откидывая с лица налипшие светлые волосы. Втайне он радовался тому, что судья Лоран забрал их с другом из Сент-Уэна до того, как их постригли в монахи. От своего насмешливого отношения к тому, как у старших

монахов и аббата Лебо выглядела тонзура, он так и не избавился, сколько наставники над этим ни бились.

– Трудно сказать, – пожал плечами Вивьен. Он старался не показать своего волнения, однако лицо его выдавало напряжение.

Не заметив никого, кто мог бы увидеть их у ворот, юноши приготовились к худшему. Вивьен первым подошел к воротам и настойчиво постучал в них, надеясь на отклик.

Ничего не произошло.

– Что мы скажем Его Преосвященству, если просто не сможем сюда попасть? – спросил Ренар, перекрикивая шум дождя. – Он ведь нас проверяет этим заданием, да? А если не справимся? Выгонит?

Вивьен поморщился от потока вопросов, на которые у него не было ответа.

– Лучше нам этого не проверять, – лаконично заметил он, вздохнув. – Неудача Лорана не устроит. Он, по-моему, не из тех, кто довольствуется малым.

– Лоран, – передразнил друга Ренар. – Говоришь о нем так, будто он тебе непутевый родственник. А он, вообще-то, епископ.

– Спасибо, что напомнил, – буркнул Вивьен, постучав в ворота снова. – Сути это не меняет: малым довольствоваться он не привык. А значит, придется как-то туда попасть.

Вивьен поднял глаза, словно прикидывая, как высоко тянется каменная стена. Непреступной крепостью аббатство назвать было сложно...

– И как же? – проследив за взглядом друга, спросил Ренар. – По стене, что ли, взбираться? В дождь? В сандалиях? – Он фыркнул. – Тогда мы сдохнем, переломав себе шею.

Вивьен закатил глаза.

– погоди ты. Я думаю.

Стоя под дождем, Ренар нетерпеливо переступал с ноги на ногу, готовый недовольно фыркать вместе с промокшими лошадьми. Вивьен осматривал округу в поисках наиболее успешного приступа в стене. Вскоре ему бросилось в глаза несколько небольших выбоин в камне, располагавшихся так, что по ним можно было взобраться. Если повезет.

– Подсадишь? – воодушевленно спросил Вивьен.

– Ты всерьез решил лезть по стене? – округлил глаза Ренар. – В сандалиях?

– Есть другая обувь? – скривился Вивьен.

– Откуда же?

– Я так и думал. А идеи получше есть? – Когда Ренар промолчал, Вивьен самодовольно осклабился. – Отлично. Тогда подсади.

Ренар неохотно последовал за ним к нишам. Подставив сложенные ладони, он помог другу подтянуться наверх, крякнув от тяжести.

– У тебя все, что должно было уйти в рост, ушло в вес, что ли? – спросил он.

– Я ненамного тяжелее тебя, – бросил Вивьен.

– Я бы поспорил...

– Тогда радуйся, что я ниже. Представь, что было бы, будь мы еще и одного роста!

Ренар картинно застонал, представив это.

Вдруг сквозь шум дождя послышался скрип, за которым последовало недовольное тихое ржание лошадей. Небольшое смотровое окошко в тяжелых воротах приоткрылось, и в нем замаячило чье-то лицо, скрытое капюшоном черной сутаны – чуть темнее, чем одеяние молодых взломщиков.

– Кто здесь? – прозвучал надтреснутый голос, отвлекший на себя внимание Ренара. Он ослабил напряжение в руках, под весом ноги Вивьена они тут же расцепились, и последний с хлюпающим звуком упал в грязь под стеной.

Бенедиктинец постарался разглядеть их из смотрового окна, но пока видел только лошадей. Миг спустя в его поле зрения показался насквозь вымокший Ренар, а за ним поднялся из грязи Вивьен, потирая ушибленную поясницу.

– Кто вы такие? – напряженным тоном спросил монах.

– Инквизиция! – с гордой горячностью хором выкрикнули юноши, нелепо оправив сутаны.

Ренар вышел вперед, угрожающе прищурившись.

– Явились с проверкой. Руанское отделение инквизиции уже несколько месяцев не получало от вас вестей, хотя мы пытались с вами связаться.

– Руанское отделение? – тупо переспросил монах.

– Как тебя зовут? – перехватил инициативу Вивьен.

Монах окинул его оценивающим взглядом с ног до головы. Вымокший, с налипшими на лицо черными волосами и по-юношески резкими чертами лица, со стекавшей по щиколоткам грязью, он был последним, кто мог сейчас произвести впечатление грозного представителя Святого Официума.

– Брат Стефан, – помедлив, представился монах. – А вы... представляете руанское отделение инквизиции?

Казалось, у него на языке вертелось замечание: «выходит, у инквизиции в чумные времена дела так же плохи, как везде», но он этого не сказал.

– Так и будешь стоять, глядя, как твои братья во Христе мокнут под дождем, и не предложишь кров? – взглянув на монаха исподлобья, спросил Ренар.

Брат Стефан поджал губы и оглянулся за спину. Через небольшой просвет смотрового окна невозможно было различить, на что именно он смотрит.

– Погоди, друг, – Вивьен положил Ренару руку на плечо и подошел вплотную к смотровому окну. – Брат Стефан, я брат Бенедикт, это брат Марк. – Он назвал их имена, данные при крещении. – Мы были послушниками доминиканского ордена в аббатстве Сент-Уэн близ Руана. Нас взял на службу Его Преосвященство Лоран год тому назад. Да, мы представляем руанское отделение инквизиции, но сейчас – как твои братья во Христе – просим укрыть нас от дождя. Мы удивлены, что ты медлишь, брат.

Говорил Вивьен дружелюбно, но на последних словах в его голосе послышалась приправленная подозрительностью угроза.

Брат Стефан поджал губы, вновь оглянулся и кивнул.

Смотровое окно закрылось, а затем послышался скрип петель. Ворота начали отворяться – непросто и медленно.

Вивьен и Ренар взяли своих лошадей под уздцы и нетерпеливо переменялись с ноги на ногу, ожидая, когда можно будет попасть на территорию аббатства. Теперь, когда они знали, что здесь остался хоть кто-то живой, они уже могли считать задание епископа Лорана успешно выполненным.

Брат Стефан держался напряженно и испуганно, пока вел лошадей к конюшне. Вивьен и Ренар двумя мрачными теньями следовали за ним. Они с удивлением отметили, что других лошадей в конюшнях нет.

– А где остальные лошади? – спросил Вивьен, нахмурившись. – И вся остальная скотина. Здесь тихо, как в могиле.

Брат Стефан поежился.

– Чумные времена оказались тяжелы для нашей обители, – пробормотал он. Глаза его неуверенно забегали. – Живой скотины и птиц давно не осталось.

Ренар и Вивьен переглянулись, но других вопросов предпочли не задавать. По крайней мере, пока. Сейчас им обоим не терпелось обогреться и переодеться во что угодно – хоть в шутовские наряды – лишь бы в сухое.

Пристроив лошадей, брат Стефан пообещал заняться ими чуть позже.

– Вас нужно переодеть, – кивнул он. – Иначе заболете. – Немного помедлив, он добавил: – И осмотреть. Если на вас есть бубоны...

Юноши понимающе кивнули. Договаривать было незачем.

– Мы здоровы, – заверил Ренар. – Но будем простужены, если и впрямь не переоденемся. Брат Стефан кивнул.

Он отвел их в северо-восточную часть территории аббатства, где располагалась церковь, а за ней – монашеские кельи. По пути им не встретилось больше ни одного монаха.

– Сколько людей осталось в живых? – осведомился Вивьен, нахмурившись.

– Тридцать три, – тут же отозвался брат Стефан. – Включая аббата Иоана и меня. Они много времени проводят в молитвах, – поспешно добавил он. – Молятся... Господу, чтобы он прекратил мор.

– Похоже, это не очень помогает, – поморщился Ренар, закатив глаза. По пути сюда они с Вивьеном решили держаться на безопасном расстоянии от показавшейся вдали толпы флагеллантов. Их мрачная процессия, мерно секшая себя плетью с крюками до кровавых ошметков, произвела на юных инквизиторов неизгладимое впечатление. – Чума – не кара Господня. Это болезнь, и лечить ее должны лекари.

Брат Стефан ничего на это не ответил. Он открыл юношам одну из келий и удалился. Вскоре он вернулся с одной свечой, двумя бенедиктинскими сутанами и небольшим мешочком. Юноши поспешили переодеться, попутно позволив брату Стефану убедиться в отсутствии бубонов. Лишь после этого монах протянул им небольшой мешочек, который держал в руках. В нем оказалось сушеное мясо.

– Боюсь, мы мало чем можем поделиться, братья, – смиренно сказал он. – Запасы наши скудны.

– Мы понимаем, – благодарно кивнул Вивьен. – Спасибо тебе.

«Интересно, откуда мясо, если живой скотины не осталось?» – подумал он. – «Старые запасы?»

Его занимали и другие вопросы о делах аббатства, задать которые он не спешил.

– Поспите здесь, наберитесь сил. Я принесу немного вина, – улыбнулся брат Стефан. Улыбка казалась немного нервной. – О делах, думаю, сможем поговорить утром.

Вивьен и Ренар молча выждали, пока он вернется с вином, снова отблагодарили его и закрыли дверь в келью. Воцарилась почти гробовая тишина.

Пока Вивьен отирал вымазанные в грязи ноги, Ренар уже налегал на предложенное сушеное мясо. Однако, как только Вивьен заметил, что друг тянется к кувшину с вином, он тут же предостерегающе выставил руку вперед.

– погоди! Не пей! – прошипел он.

Ренар недовольно нахмурился, однако пригубить вино не спешил.

– Если ты задумался о том, что мы сильно опустошим запасы аббатства, то это самый неблагоприятный момент для таких мыслей, – проворчал он.

– Да погоди ты! – Вивьен приблизился к другу и заговорил так тихо, что тому пришлось напрягать слух: – Вот представь: к тебе ни с того ни с сего нагрянула инквизиция, пусть и в лице желторотиков вроде нас с тобой. Твоя реакция?

Ренар передернул плечами.

– А ко мне-то...

– Да тише ты! – шикнул на него Вивьен.

Ренар недовольно поджал губы, но тоже зашептал:

– А ко мне-то за что? Я ничего такого не сделал. Я уже не уличный вор, я Божий слуга, – ухмыльнулся он.

– А наш брат Стефан разве нет? – парировал Вивьен. – Подумай, друг, ничего ли не показалось тебе странным в поведении этого человека.

Ренар крепко задумался.

– Ну... он... ничего не сказал по поводу попыток связаться с аббатством. Он как будто пропустил это мимо ушей.

– Как минимум, – удовлетворенно кивнул Вивьен. – Неужто все гонцы умирали от чумы, так и не добравшись сюда? Что, ни один не доехал? – Он покачал головой. – А если кто-то из них добрался? А если *многие* добрались?

– И куда они, по-твоему, делись?

Вивьен пожал плечами, не желая строить предположений.

– Не знаю. Но заметь вот, что: Стефан не выглядел *удивленным*, когда ему сказали, что с аббатством пытались выйти на связь, и он ничего не уточнял. Зато, из какого мы отделения, он переспросил несколько раз. Инквизиция его интересовала гораздо больше. А по каким вопросам является инквизиция?

– По вопросам ереси, – пожал плечами Ренар.

– И как обычно на такой визит реагируют люди?

– Напряженно, но он и был напряжен.

– А еще? – не унимался Вивьен. Ренар недовольно сложил руки на груди.

– Я не знаю, какого ответа ты ждешь. Скажи сам! – почти обиженно сдался он. Вивьен примирительно кивнул.

– Общение с инквизицией готовы перепоручать кому угодно другому. Особенно, если *есть* ответственное лицо, которое *обязано* решать такие вопросы. Но Стефан не повел нас к аббату Иоану. Он просто оставил нас на ночлег в монашеском крыле, где больше ни одного монаха мы не встретили, принес еду и вино и поспешил удалиться. Может, я неправ, но о том, что «поговорить о делах можно и утром» он говорил так, будто никаких разговоров не ждет.

Ренар прищурился.

– К чему ты клонишь? Что вино отравлено, что ли?

Вивьен пожал плечами.

– Я бы не стал этого исключать.

Ренар покачал головой.

– Вив, ты, по-моему, видишь опасность там, где ее нет. Это перепуганные чумой монахи. По мне, так эти бичующиеся – намного хуже.

– Стефан сказал, что вся скотина у них давно передохла. Откуда тогда мясо?

– Запасы, – пожал плечами Ренар.

– Этот человек держался нервно и не хотел пускать нас в аббатство, где пустует множество келий. Потом пустил, оставил лошадей в конюшне, но никого не позвал о них позаботиться, хотя на территории тридцать три человека, и кто-то должен заниматься хозяйством. Затем Стефан поспешил разместить нас и принести нам вина и сушеного мяса, которого едва ли хватает на три десятка человек. Я понимаю, что все может обстоять именно так, но, – он покачал головой, – не знаю... он как будто боялся нас *спугнуть*.

Ренар приподнял брови.

– Вив, это сущая околесица.

– Хорошо, – согласился Вивьен. – Приведи мне контраргументы, распиши, почему я не могу быть прав, и тогда можешь рисковать и упиваться вином. Идет?

Несколько мгновений Ренар тяжело размышлял. Затем устало вздохнул: аргументов, которые разбили бы теорию Вивьена в пух и прах, у него не нашлось.

– Ладно, что предлагаешь?

– Затаиться, – серьезно кивнул Вивьен, говоря едва слышным шепотом. А потом – разведать тут все. Лоран сказал нам в случае опасности оставлять метки на колоннах или стенах

с западной стороны монастырей. Условный сигнал, что мы здесь побывали, на случай, если... – Он предпочел не заканчивать. Хмуро кивнувший Ренар прекрасно понял, о чем речь. *На случай, если мы отсюда живыми не выберемся.*

Отбросив мечты промочить горло вином, Ренар хмуро лег на жесткую койку, плотнее укутавшись в неподходящую ему по размеру сутану бенедиктинца, и стал ждать.

Они ждали церковных колоколов, которые должны были отзвонить Вечерню. Однако прошло более двух часов, а звона так и не было.

– Может, у них звонарь от чумы умер? – предположил Ренар, предпочтя говорить шепотом.

– Если б сюда проникла чума, вряд ли тридцать три человека сумели бы выжить. Нет, тут что-то другое, – ответил Вивьен. – Нужно осмотреться. Сейчас, мне кажется, самое время.

Не говоря больше ни слова, они поднялись с коек и осторожно подошли к двери. Вивьен потянул на себя ручку и поморщился от скрежета петель, эхом разнесшегося по коридору монашеской обители. Ренар вжал голову в плечи, также прищурившись от громкого звука.

– Как думаешь, слышал кто? – шепнул он.

– Тссс, – отозвался Вивьен, приставив указательный палец к губам, и кивнул вглубь коридора. Ренар молча последовал за ним.

Крадучись, они миновали два поворота, двигаясь в сторону церкви.

– Может, звонаря у них и нет, но на службе монахи быть обязаны, – хмуро прошептал Вивьен. – Если их там нет...

Он не стал договаривать.

Они осторожно выбрались из монашеской обители, но по дороге в церковь замерли, вжавшись в стены.

Территорию монастыря пререзал крик умирающего животного, почти сразу оборвавшийся булькающим звуком. В едва погибшем животном юные инквизиторы безошибочно угадали одну из лошадей, на которых сюда прибыли.

– Твою мать! – прошипел Ренар.

– Теперь веришь моей мнительности? – невесело усмехнулся Вивьен.

Они затаились за поворотом. Вивьен, набросив на лицо несколько прядей волос, чтобы темнота лучше скрывала его, осторожно вглядывался во тьму.

– Что там?

Вивьен шикнул на друга. Из конюшни вышло три монаха. Один из них держал масляную лампу, другой – большой таз, который он нес, будто боялся расплескать его содержимое. Вивьен без труда понял, что за жидкость там содержится.

– Кровь, – шепнул он. – У них полный таз лошадиной крови. Они несут ее в церковь. Что-то мне подсказывает, что вряд ли это классическая месса.

Ренар поморщился и перекрестился.

– Вот зараза! – вместо молитвы произнес он.

– Нам нужно выбираться отсюда, – тихо сказал Вивьен. – И доложить Лорану.

– Как мы уйдем?

Вивьен огляделся. На стенах с множеством арочных проходов на подвесах он заметил несколько факелов, которые сейчас не горели. Быстро подбежав к одному из них, он, встав на цыпочки, вынул его и проверил в руке на тяжесть.

– Будем пробивать себе путь, – ответил он. Ренар недоуменно уставился на него, но друг, похоже, говорил совершенно серьезно. Неизвестно, был ли у него дальнейший план. Как они будут добираться в такой ливень до Руана? Или до ближайшей деревни, где смогут найти лошадей или хотя бы одну? Как им вдвоем выстоять против тридцати трех монахов, обратившихся верой к дьяволу?

Ренар глядел на Вивьена и понимал, что ответов на эти вопросы у него нет. Однако нет и растерянной, беспомощной трусости, с которой друг молча ожидал бы расправы, рыдая в подушку. Ренар криво ухмыльнулся и снял со стены второй факел.

– Вот этим? – с нервной усмешкой прошептал он.

– А что? Инквизиция – с факелами... почему бы и нет?

– Тсс! – Ренар шикнул на него и вжался в стену, услышав что-то снаружи.

Вивьен тоже затаился, взяв факел наизготовку, точно дубину.

В их сторону двигались два человека. Их шаги с трудом можно было различить за шумом непрекращающегося ливня.

– ... должны были уснуть около двух часов назад. – Голос, похоже, принадлежал брату Стефану. – Если они пили вино – а они его пили, потому что выбились из сил с дороги – то уже спят, с ними не будет проблем, – донеслось до Вивьена, и он с укоризной покосился на друга.

«Говорил тебе, не пей вина», – самодовольно подумал он, произнося то же самое одними губами. Ренар закатил глаза.

– Значит, брат Ранульф будет следующим? – поинтересовался второй монах у Стефана. – Без него те, кто не покорился воле аббата Иоана, потеряют лидера.

– Если аббат не распорядится принести его в жертву третьим, то да. Брат Ранульф дождется следующего раза. Видения аббата...

Стефан не договорил. Вивьен, заслышав, что они приближаются к арочному проходу, по бокам которого затаились они с Ренаром, кивнул другу и первым ринулся в атаку. Ренар последовал за ним, обрушиваясь на неизвестного монаха.

Стефан коротко вскрикнул и тут же умолк, оглушенный ударом факела. Его тело безвольно осело на землю, из раны на лбу от удара виске полилась кровь. Рядом со Стефаном после недолгого сопротивления упал и второй монах, которому Ренар сначала попал по ключице.

Вивьен тяжело дышал, держа в руках факел. Округленными глазами он смотрел на лицо Стефана и чувствовал небывалый прилив сил. То злое чувство, что он давил в себе все эти годы, казалось, нашло выход и ликующе завопило, требуя новой крови.

«Нет, так нельзя», – укорил себя Вивьен.

– Надо перетащить их, – сказал он, неуклюже втолкнув факел за веревочный пояс сутаны.

– Вывалится, – кивнул Ренар на факел, хватая поверженного монаха под мышки и втаскивая его в арочный проход.

– Согласен, кожаный ремень был бы лучше, – прокряхтел Вивьен, таща брата Стефана. – Зато веревки на их сутанах сгодятся для связывания. Давай, пока они не пришли в себя.

Ренар принялся снимать веревочный пояс с сутаны неизвестного монаха, наблюдая за тем, как Вивьен проделывает то же самое со Стефаном. На миг Ренар замер и прищурился. В темноте он не мог с уверенностью сказать, что видит, но...

– Вив... – тихо обратился он, вглядываясь в лицо Стефана.

– Что?

– Погоди. – Связав незнакомого монаха по рукам, Ренар подошел к Стефану и приложил ухо к его груди. Затем постарался сквозь шум дождя расслышать дыхание. Удостоверившись в своих мыслях, он встал и покачал головой. – Этого нет нужды вязать. Он мертв.

Вивьен замер.

– Мертв? – Он округлил глаза, отшатнувшись от мертвеца на два шатких шага. – Но... как же он... я не... я не мог...

– Вив! – Ренар подошел к нему и стиснул его плечо, сурово заглянув ему в глаза. – Слушай, сейчас не время, ясно? Ты был напуган. Ты сильно ударил. Это случайность. Ты не хотел этого.

– Я...

Нет, ты хотел этого. Еще как хотел! Как со своей семьей, которую ты обрек на смерть своим проклятьем. Люди вокруг тебя всегда будут умирать, – произнесло что-то в его голове. Чернильно-черная гадость, которую он всегда чувствовал, взметнулась внутри него, и он ощутил страшный приступ дурноты.

– Вив! – Голос Ренара сумел вырвать его из оцепенения. – Этого, – Ренар кивнул в сторону второго монаха, – лучше связать по рукам и ногам. Используй второй пояс. Потом оторви кусок капюшона у Стефана, заткнем монаху рот. – Он кивнул, в подтверждение своих слов.

Вивьен дрожащими руками выполнил указания. Как ни странно, спокойствие друга помогало ему не растерять самообладание. Спокойствие и полное отсутствие осуждения.

– Теперь я убийца, – тихо произнес Вивьен.

– Ты инквизитор, на которого напали, – покачал головой Ренар. – А он – еретик и, похоже, поклоняется сатане. Ты все сделал правильно.

Вивьен прерывисто вздохнул.

– Ты довольно спокойно реагируешь на убийство, – заметил он. – Тебя ничто не прони-мает, да? – На его лице показалась нервная усмешка.

– Пожил бы на улице с мое, понял бы, – криво усмехнулся Ренар.

Они закончили связывать монаха и спрятали его в нише в стене. Мертвеца оставили лежать прямо посреди коридора.

– Идем. Они говорили о каком-то брате Ранульфe, который «будет следующим». – Вивьен покачал головой. – Похоже, тридцать три человека во главе с аббатом заперли где-то всех несогласных и теперь поочередно приносят их в жертву.

Ренар вдруг поморщился.

– Твою мать, мясо! – воскликнул он, забыв о необходимости шептать. – Скотина-то у них давно издохла! Ты же не думаешь, что... что гонцы или...

– Лучше и тебе не думать, – скривился Вивьен.

– Так я теперь, выходит, каннибал?

– Моли Господа, чтобы это все же оказалась конина.

– По-моему, меня сейчас стошнит, – простонал Ренар.

– Ладно, значит, тебя можно пронять.

Связанный монах пошевелился и промычал через обвязанную вокруг рта материю нечто невнятное.

– Гляди, очухался, – заметил Ренар, переводя на него внимание.

Вивьен кивнул другу на связанного монаха, а сам присел возле тела Стефана, решив обыскать его.

– Что ты делаешь? – спросил Ренар.

– А вдруг у него оружие есть?

Ренар только пожал плечами, присев рядом со связанным. Взгляд у того прояснился и тут же преисполнился страха и боли – похоже, удар факелом по ключице оказался сильным и повредил кость.

– Ну что, дружок, очнулся? Что там у вас с братом Ранульфom? Что задумал аббат Иоан? Что вообще творится у вас тут, черти вас забери? Рассказывай, если жить хочется, а то присоединишься в аду к брату Стефану.

Монах в ужасе замычал, взглянув на бездыханного собрата.

Ренар убрал полоску ткани ото рта связанного и угрожающе кивнул.

– Завопишь слишком громко, размозжу голову, понял?

У монаха заблестели глаза. Он энергично закивал, тут же сморщившись от боли в ключице, и замер, быстро и часто дыша.

– Когда началась чума, мы заперлись в аббатстве в надежде пережить мор, – пролепетал он. – Сначала все шло хорошо, но потом запасы истощились. Те, кто выходил в ближайшие деревни, иногда заболевали прямо там. Мы боялись, что мор распространится по аббатству, но Преподобный Иоан, – монах поморщился, – он сказал, что ему было видение. Он заключил договор с сатаной, чтобы мор обходил аббатство стороной, и пообещал, что человеческие жертвы уберегут нас от болезни. Он сказал, что Господь оставил землю, и теперь остается только поклониться сатане, чтобы избежать страшных мук.

Вивьен не нашел у покойника никакого оружия и присел рядом с Ренаром на колени перед связанным монахом.

– Как тебя зовут?

– Брат Фома.

– Так вот, брат Фома, это – самая жуткая околесица, которую мне доводилось слышать, – хмыкнул он. – Дай, помогу тебе свести твой рассказ к сути. Аббатство разделилось, не так ли? На тех, кто последовал за Иоаном и присягнул сатане, и тех, кто был против этого. Полагаю, упомянутый вами брат Ранульф – один из противников. И их лидер.

Фома вновь осторожно кивнул. Ренар удивленно посмотрел на друга, понимая, что тот с удивительной легкостью схватывает общую картину происходящего. Тем временем Вивьен продолжал расспрос:

– Где их держат?

– В подземелье, – сглотнув, ответил Фома.

– Сколько там человек?

– Сорок два. Остальные... не пережили прошлый год.

Вивьен поджал губы.

– А остальные *ваши*, – он скривился на этом слове, – которые поклонились сатане. Где они? В церкви?

– Сейчас месса, – кивнул Фома. – Аббат Иоан проводит ее. Мы должны были... – он помедлил, размышляя, стоит ли раскрывать молодым инквизиторам свои планы, – привести на нее вас.

– Тоже, надо думать, для жертвоприношения? – нервно хохотнул Вивьен.

Фома поджал губы и кивнул – едва различимо.

– Вас должно было одурманить вино, которое дал Стефан, – произнес он извиняющимся тоном.

– О, ну это существенно меняет дело, – усмехнулся Вивьен, тут же посерьезнев. – Что в нем? В вине.

Для пущей убедительности он с силой сжал поврежденную ключицу монаха.

– Я не знаю! – захныкал Фома. – Аббат Иоан приказал это дать! Это сатана нашептал ему рецепт зелья...

– Чушь! – практически выплюнул это слово Ренар. – Монахи много веков писали трактаты о травах. Наверняка, Иоан просто знал, из чего приготовить это зелье, а от вас рецепт держал подальше.

– Откуда тебе знать? – прошипел Фома, глаза его фанатично блеснули.

– Для вас усыпить инквизиторов было бы делом путным, – ответил Ренар, ослабившись. – А дьявол еще никому ничего путного не присоветовал. Поверь, я жил там, где его козни знают лучше, чем где-либо. Я понимаю, о чем говорю.

Вивьен воодушевленно улыбнулся этой проникновенной речи и продолжил свою линию расспроса.

«Или это уже можно называть допросом? Как там было у Бернара Ги?» – подумал он вскользь.

– Сколько оружия у ваших монахов?

– Ритуальный нож – у аббата Иоана, – осторожно ответил Фома.

– А еще?

– Мы монахи, а не рыцари, – обиженно воскликнул связанный.

– Вы и не монахи уже, – фыркнул Вивьен. – Вы еретики.

Фома испуганно сжался, услышав это от пусть столь юного, но все же инквизитора, и замычал.

– Тем лучше, что оружия у вас мало, – заключил Вивьен и распрямился. Он снова взял ныне не горящий факел и кивнул Ренару. – Их всего тридцать три, насколько мы знаем. Теперь – тридцать один.

– На двоих – все равно многовато, – резонно заметил Ренар.

– Так или иначе, нам надо освободить узников. Там сорок два человека. Возможно, хоть кто-то из них способен будет взять в руки оружие и помочь нам.

Ренар вновь повернулся к Фоме.

– Пока я тебя этой дубинкой снова спать не уложил: как пройти в подземелье? – с дружественной улыбкой спросил он. – И у кого найти ключи от помещений, где держат узников?

– Ключи у аббата Иоана. Он носит их с собой.

– Плохо, – поджал губы Вивьен. – Значит, брату Ранульффу придется подождать. А нам – справляться вдвоем.

Поняв, что от Фомы толку больше нет, Ренар вновь нанес удар ему по голове, и тот лишился чувств.

– Идем. Пора на мессу, – сказал он.

Они пробрались ко входу в церковь, проклиная заливающий в сандалии дождь. Каждый из них грезил по возвращении в Руан – если таковое состоится – выпросить у епископа Лорана возможность сменить сандалии на более плотную обувь, а веревочные пояса на кожаные ремни. Если Его Преосвященство и дальше хочет отправлять их на выездные задания, придется ему пойти на уступки.

Из нефа в притвор лился певучий голос аббата.

– Что будем делать? – шепнул Ренар.

– Мы ведь одеты, как бенедиктинцы, – заметил Вивьен и убрал первый факел себе за спину, закрепив его поясом.

Голос аббата Иоана замер, когда дверь открылась, и в основной неф втокнули одного инквизитора. Светловолосый, похоже, все еще не пришел в себя от действия вина. Он непонимающе мотал головой, стоя на четвереньках, и бубнил нечто неясное. В тусклом свете свечей, освещавших лишь алтарь и часть боковых нефов, было толком не различить, кто из посланных за инквизиторами монахов отчего-то не вернулся. Разве что по телосложению...

– Брат Стефан! – обратился Иоан с кафедры к человеку, лицо которого было скрыто капюшоном. – Где вторая жертва? Хозяин не станет ждать слишком долго!

Человек в капюшоне склонил голову.

– Брат Фома ищет его. Второй инквизитор не пил вина, он сбежал, – изображая голос, максимально похожий на брата Стефана, ответил Вивьен.

Старый аббат – полный и обрюзгший седовласый старик с сероватой кожей, давно не видевшей дневного света, кивнул нескольким монахам, и те направились в сторону вошедших.

В этот момент Ренар резко вскочил, вытянув руку в сторону. Вивьен извлек из-за спины два факела, которые прятал за поясом, и один перекинул другу.

– Святая инквизиция! – наперебой закричали они, ринувшись, как оголтелые, на растерявшихся монахов.

Казалось, опешил даже аббат Иоан.

Ренар и Вивьен, давая волю всей накопившейся в них юношеской дури, молотили из стороны в сторону импровизированными дубинками, выбивая противникам зубы и ломая кости.

Похоже, среди поклонников сатаны у Иоана было не так много верных сторонников, и, когда авторитет лидера едва пошатнулся, они отказались бросаться в атаку. Многие вскочили и разбежались враспынную. Другие все же бросились атаковать. Один из них, вопреки сказанному Фомой, оказался вооружен ритуальным кинжалом.

Вивьен отскочил от удара, едва не пришедшегося ему по горлу.

Ренар заслонил лицо правой рукой и вскрикнул, почувствовав, как лезвие прорезает кожу.

– Черт! – прошипел он. Вивьен успел заслонить его и с воинственным кличем обрушить удар на вооруженного монаха. Тот выронил кинжал и отшатнулся. Вивьен тараном двинулся на него.

– Хватай кинжал! – крикнул он другу.

Ренар, стараясь не обращать внимания на раненую руку, последовал указанию, пока Вивьен упорно пробивал себе путь к аббату. Иоан попятился от кафедры, на которой стоял сосуд с лошадиной кровью – ни Вивьен, ни Ренар так и не поняли, зачем она нужна.

– Спина к спине! – крикнул Вивьен, заметив, что монахи обходят их с другой стороны нефа. Ренар кивнул и, вооружившись факелом и кинжалом, повернулся к другу спиной. Они продолжали отмахиваться от монахов, как от назойливых насекомых, не позволяя приблизиться к себе.

Кто-то попытался перехватить факел у Вивьена. У него получилось не до конца, и факел оказался на полу. Поднимать его было некогда.

– Дай нож! – отчаянно воскликнул Вивьен, вжимаясь спиной в спину Ренара под натиском монахов. Факел ему пришлось пнуть подальше, под скамьи, чтобы оружие, по крайней мере, не перешло в руки сектантов.

Ренар в пол-оборота протянул Вивьену нож, успев отбиться от нападающих. Его высокий рост помогал наносить сокрушительные удары, словно мечом.

Вивьен вооружился ритуальным ножом, и это заставило монахов отступить от него – то ли в суеверном страхе перед этим оружием, то ли в страхе перед самим вооруженным инквизитором. Иоан кричал что-то с кафедры, но Вивьен не слушал его. Он почти добрался до него, нанеся двум монахам болезненные порезы.

– Готовься! – крикнул он Ренару, одним прыжком запрыгивая к алтарю.

Иоан попятился, но был не настолько проворен, чтобы уйти от прыткого юноши. Вивьен быстро нагнал его и приставил ритуальный нож к его горлу.

– А-ну, замерли все! – почти истерически завопил он. – Не то убью, клянусь Богом!

– Делайте, что он говорит! – закричал Иоан, задрожав. Голос его из певучего превратился в надтреснутый.

Ренар, оставшись один в окружении замерших монахов, нервно хмыкнул.

– Люблю монахов за образцовое послушание.

– Именем святой инквизиции, аббат Иоан, вы арестованы! – громогласно возвестил Вивьен, понимая, что, похоже, им будет, о чем рассказать Его Преосвященству. Также он отчего-то догадывался, что новый лидер у этого аббатства уже имеется. Осталось только освободить его из подземелья и по-тихому очистить это место от сектантов. Разумеется, уехать молодые инквизиторы смогут лишь после того, как применят все навыки, которым их учил судья Лоран, на множестве предстоящих допросов.

‡ 1350 ‡

Кантелё, Франция

Год 1350 от Рождества Христова

Звучное пение музыкальных инструментов лилось рекой, отражаясь от каменных стен и сводов залы. И хотя музыканты находились далеко, их приятная мелодия была здесь отчетливо слышна – даже несмотря на беспорядочный гомон голосов, смеха и стука посуды по длинному столу. В просторном помещении царило веселье, люди наслаждались пиром – все, включая слуг, периодически получавших подачки от захмелевших господ. Пересекаясь по пути, служки и служанки с подносами понимающе переглядывались и молчаливо хвастались своей добычей. Воистину, сегодня пир был у всех.

Казалось, одна лишь Элиза не могла почувствовать себя здесь уютно. Присев на край скамьи в самом углу, она хотела вжаться в стену так, чтобы буквально слиться с висящим на ней гобеленом и пропасть из всеобщего поля зрения. Разумеется, ей это не удавалось. Время от времени гости бросали недоуменные взгляды на девочку в простом платье, напоминавшем одежды местных служанок. Элизе даже казалось, что вот-вот кто-то подойдет к ней и всучит поднос или кувшин с вином, укоризненно взглянув на нее и немо возмущившись тому, что она «сидит без дела».

«Что уставились?! Я не служанка!» – с внезапным приступом обиды и злости подумала Элиза, вспомнив о Гийоме де'Кантелё, из-за которого она и оказалась здесь. Она искала его глазами, но он, как назло, затерялся среди пирующих. Элиза недовольно надула губки, переживая волну обиды. Мысли ее обратились к Гийому так, будто он и впрямь мог услышать их: «Я тебе – не служанка! Зачем ты притащил меня сюда? Мне здесь не нравится!»

Ее так и подмывало вскочить, во что бы то ни стало отыскать зазнавшегося мальчишку и высказать ему все это в лицо. В своих мечтах она сделала это уже множество раз, но наяву прекрасно понимала, что не поступит так. Воспоминания против воли воскрешали слова, которыми ему удалось зазвать ее сюда:

– Не трусь, приходи! Посидишь, послушаешь музыку, поешь вкусно – часто ли такое бывает? Посмотришь, как у нас все устроено.

– Я вовсе не боюсь, – ответила тогда Элиза, с вызовом вздернув подбородок. – Просто не понимаю, *зачем* мне туда идти.

Гийом пожал плечами.

– Ну, как хочешь, – сказал он, и в голосе его не было ни намека на расстройство. Это безразличие заставило Элизу не на шутку рассердиться. А злость – вынудила пойти против самой себя и все же явиться на это торжество. Элиза готова была поклясться, что, если б не разозлилась, ни за что бы не пошла у Гийома на поводу.

«Ну зачем, зачем я согласилась?» – внутренне ругала она себя, изнывая от желания оказаться как можно дальше отсюда. Несколько раз за вечер она поймала на себе взгляды графа и графини, и под их надзором почувствовала себя здесь совершенно неуместной. Она знала, что графская чета не одобряет дружбу сына с ней, но одно дело знать, а совсем другое – видеть это собственными глазами. Недовольство таких могущественных людей вызывало в Элизе опасение, и она не знала, как с этим быть.

– Скука смертная! – прозвучало рядом с ней. Элиза обернулась, едва не ахнув. Гийом, возникший из толпы, устало опустился на скамью, сложил руки на груди и откинул голову назад, привалившись к стене.

– Вот уж не подумала бы, что *тебе*, – она надавила на последнее слово особенно ядовито, – тут скучно.

– А вот представь себе! – фыркнул он. – Да и вообще, радоваться тут нечему. Обычный званый вечер, от которого лично у меня – одни проблемы. – Он тоскливо вздохнул, поправив неровно сидящую на голове шляпу, украшенную черно-белыми соколиными перьями.

– Проблемы? У тебя? – Элиза фыркнула. – Что-то непохоже. Лично я вообще не понимаю, зачем я здесь.

Гийом снова картинно вздохнул.

– Ах, Элиза, – снисходительно протянул он, взглянув на нее. – Ты хоть знаешь, зачем этот пир вообще устроили? Затем, чтобы созвать представителей нормандской знати и выбрать, к кому я отправлюсь вскоре служить оруженосцем, представляешь?

Элиза невольно напряглась всем телом, глядя на него. Недавняя злость уступила место страху.

– Отправишься? То есть, ты... куда-то уедешь?

– Они все думают, что да. – Он пожал плечами. – Но я против. Так что этого не будет. Никуда я отсюда не денусь, не переживай! – Он снова хитро взглянул на нее, и Элиза устыдилась своего испуга.

– И как же ты устроишь все так, чтобы этого не случилось?

– Это не проблема, – отмахнулся он. – Сделать так, чтобы никто из них не хотел меня себе в услужение? Это легко.

– Так как же?

– Для начала, пойдём-ка отсюда, – заговорщицки произнес он.

– Что?

– Идем-идем!

Схватив ничего не понимающую девочку за руку, Гийом потянул ее прочь из залы, нимало не стыдясь того, как им вслед смотрят люди.

Гийом имел привычку напоминать Элизе, что его дом не так уж и велик. То ли он специально рисовался, то ли приbedнялся, чтобы уменьшить неловкость – трудно было сказать наверняка. Так или иначе, Элизе, привыкшей к своему скромному деревенскому домику с двумя комнатами и маленьким погребком, эта каменная громада с ее темными коридорами, тяжелыми стенами, красивыми сводчатыми потолками, вытянутыми окнами и гобеленами казалась удивительно необъятной.

Гийом провел гостью по лестнице и нескольким коридорам, а затем остановился в конце одного из них перед массивными деревянными дверьми. Не оборачиваясь, он распахнул их, зашел в помещение и развернулся, раскинув руки в стороны, будто бы приглашая поглядеть на богатства, которые скрывала в себе эта комната.

Элиза робко вошла внутрь, оглядываясь по сторонам. В комнате было очень большое окно, и свет из него падал на полки, которыми были заполнены все стены. На полках стояли какие-то предметы, напоминающие по форме кирпичи в стенах зданий. И пахло – этот запах Элизе был знаком – пергаментом.

– Что это? – Она подошла к столу, который стоял посреди комнаты, и стала разглядывать лежащую на нем вещь – стопка пергаментных листов, скрепленных с одной из сторон.

– Книги, – важным тоном проговорил Гийом.

– Книги... – Элиза медленно прошла мимо полок и снова вернулась к столу. – И это тоже... книга?

– Конечно книга, Элиза! – Кажется, ее невежество все-таки вызвало у Гийома легкое раздражение.

– А что это значит? – Элиза обратила внимание на то, что листы книги изрисованы какими-то значками. Она уже видела такое – у некоторых рыночных торговцев на пергаментях было нарисовано что-то похожее.

– Это слова. Буквы, а из них составлены слова. Так можно записывать речь. Ты же понимаешь речь, когда с тобой кто-то разговаривает? Вот тут то же самое, только написано.

– И ты можешь это понимать? – Элиза восхищенно на него посмотрела.

– *Читать*. Да, я умею. Правда, почтенные матушка и отец думают, что у меня с этим все еще туго. Специально не даю им понять, сколько времени провожу за книгами, пусть слегка недооценивают мои знания. – Гийом самодовольно ухмыльнулся.

– А тебя этому кто-то учил, да? Читать.

– Да. Один монах. Останавливался у нас. Поначалу мне было интересно, но, когда я понял, что основы усвоил, сделал так, чтобы он отправился восвояси. Он был, – мальчик пожал плечами, – скучный. И часто цитировал Священное Писание, а оно тоже скучное, да простит меня Господь. – Гийом перекрестился – будто бы лениво – и взглянул на потолок. Элиза поискала глазами, на что он там смотрел, но не нашла.

– А как ты сделал, чтобы он отправился восвояси?

– А, это было несложно! – Улыбка юного графа вдруг стала очень злорадной. – Достаточно было честно поговорить с этим болваном. Он, видимо, надеялся, что я решу служить Господу, когда стану старше, и возлагал на это большие надежды. А я сказал, что Священное Писание я точно учить не стану, потому что меня куда больше интересуют романы и стихи, о подвигах и... куртуазные. И начал цитировать один из таких. А когда он начал креститься и просить меня остановиться, я сказал, что такие тексты меня вдохновляют, и поблагодарил его за данное мне знание. После этого ему расхотелось меня учить.

– Кутуру... какие романы? – переспросила Элиза, пытаясь вникнуть в смысл странного слова.

– Не понимаешь, о чем я? – Он сочувственно сдвинул брови и похлопал ее по плечу, направляясь к выходу из комнат. – Ничего, потом поймешь.

– Объясни! – обиженно воскликнула девочка.

– Нет уж, Элиза, не буду. Не доросла ты еще.

– Но... – Ловя его вкрадчивый снисходительный взгляд, она кое-как совладала с любопытством, и вздохнула: – Ладно. А ты не научишь меня... читать?

– Не знаю, – лениво пожал плечами Гийом. – Может быть, позже. Сейчас мне, уж прости, не до этого. – Он подождал, пока она выйдет из библиотеки, и закрыл за ними дверь.

После этого он провел Элизу в еще одно помещение. Похоже, у него было ощущение, что новая комната поразит его гостью еще больше. Что ж, в какой-то мере он не ошибся. Здесь на стенах зала висело оружие в искусно отделанных ножнах, перемежаясь с особенно дорогими гобеленами. На подставках лежали книги в переплетах с серебром и золотом и украшения, инкрустированные драгоценностями. Но кое-что по-настоящему заставило Элизу обомлеть и отшатнуться, после чего она невольно наткнулась на идущего за ней Гийома, чуть не споткнувшись об его длинноносые ботинки. Тот поймал ее за плечи, не дав упасть, и снисходительно усмехнулся.

– Ну чего ты? – спросил он.

– Что это? – пролепетала Элиза, округлив глаза от ужаса, когда взглянула на висящую на стене голову оленя. Здесь были и другие головы животных, а стены «украшали» рога в специальных рамках.

– Охотничьи трофеи. Скоро у меня будет возможность иметь собственные. Вот научусь получше стрелять из арбалета и упрошу матушку и отца дать мне собственную свору гончих и

лошадей. Впрочем, неважно. Смотри вокруг, чего замерла! Я тебя сюда не затем привел, чтобы ты дрожала, как маленькая. – Несмотря на это заявление, голос графа звучал удовлетворенно, словно на деле он упивался ее страхом и не стремился этого скрывать.

Элиза не на шутку разозлилась.

– Я *не боюсь*! Я просто не понимаю, зачем! Зачем так делать с животными?!

– Не ной, любительница лесных тварей, – небрежно отмахнулся Гийом. Отвечать на ее возмущение он считал лишним. – Лучше смотри сюда.

Элиза подошла к нему и стала разглядывать драгоценные ножи и кинжалы, лежащие на подставках. Это зрелище показалось ей куда более привлекательным.

– Красиво. – Она невольно потянула руку к кинжалу в изящных ножнах, изрезанных тонкой гравировкой, изображающей растительные узоры и мифических животных.

– Нравится? Забирай. – Гийом опередил Элизу, взяв в руку кинжал и протянув его ей.

– Что?

– Подарок тебе, глупенькая. Пользуйся.

– А... так можно? Тебя не накажут? Это же вещь твоей семьи.

– У моей семьи, как видишь, много вещей, – фыркнул он. – Накажут? Пусть попробуют. Бери-бери, не стесняйся.

– Спасибо. – Она осторожно взяла подарок и принялась разглядывать его.

– Вот и славно. А теперь, думаю, тебе пора домой. А мне самое время вернуться в залу и сообщить всем, что я делал в свое отсутствие... что я... гм... показывал деревенской девушке библиотеку. – Гийом расплылся в улыбке, которая странным образом напомнила оскал волчьей головы, висящей сбоку от него на стене.

Элиза внимательно всмотрелась в его лицо. Она не поняла, почему он внезапно захотел прогнать ее и почему теперь выглядит так, будто задумал что-то коварное, а она тому невольно поспособствовала. Элиза хотела задать ему эти вопросы, но Гийом взял ее за плечи и, пока она не успела опомниться, вывел из зала и указал в сторону выхода.

– До конца по коридору и по лестнице вниз. Там увидишь выход. Доброй ночи.

Не успела она опомниться, как Гийом уже развернулся и широкими шагами ушел в другую сторону, оставив ее в одиночестве сжимать в руках подаренный кинжал и недоумевать.

‡ 1351 ‡

Кантелё, Франция

Год 1351 от Рождества Христова

На пороге четырнадцатилетия Гийома де'Кантелё дурная слава уже бежала вперед юноши. Каждый, кто хоть раз оказывался у него на пути, начинал называть его «этот несносный мальчишка». Слуги и селяне произносили это украдкой, а наставники, коих Гийом менял с поразительной частотой, звали его так вслух, после чего покидали земли семьи де'Кантелё.

Гийом был наделен удивительным талантом – выводить из себя любого и каждого, кто пытался найти на него управу. Ни хорошее жалованье, ни положение в обществе, ни обещания графа – ничто не удерживало наставников рядом с юношей надолго. Ни к одному из них Гийом не проникался должным уважением, ни одному не позволял собой помыкать и ни одному настоящему не доверял. Притом «этот несносный мальчишка» умел извлекать пользу из занятий и цепко усваивал знания, но демонстрировать их отказывался, выставляя каждого своего наставника полным ничтожеством в глазах графской четы.

Несмотря на увещевания матушки и недовольство отца, Гийом гордился собой за то, что ни у кого не выходит его приструнить. Ему нравилось думать, что в нем соединилось высокомерие и воинственность предков отца, обретших власть в этих землях еще во времена нормандского завоевания, и энергичность дельца, благодаря которой высокого положения в обществе добилась семья его матери. Свой пыл и крутой нрав Гийом полностью направлял в попытки сопротивления людям, пытавшимся навязать ему свой авторитет. Он уходил от всевозможных попыток найти на него управу – чаще всего попросту сбегал, веля слугам седлать лошадь. Если кто-то пытался ему воспротивиться, Гийом угрожал лично высечь непослушного слугу. Несколько раз он даже приводил эту угрозу в исполнение, заявляя, что имеет право вершить суд на своей земле, как пожелает.

Проводить время Гийом любил в многодневных поездках на охоту в компании приятелей, которые сменялись с той же частотой, что наставники и объекты вождения. Гийому нравились пиршества в собственном доме, но визиты в таверны привлекали его не меньше: он частенько являлся туда в компании приятелей, переодетый в простую одежду, и давал волю своей жажде приключений.

Втайне Гийом мечтал овладеть искусством ведения боя, чтобы участвовать в рыцарских турнирах и битвах с истинными врагами французского королевства англичанами. Во времена его детства война затихла из-за разгула чумы, но угроза и напряжение продолжали витать в воздухе, предвещая новые столкновения. Год милости 1351 от Рождества Христова принес в Кантелё весть о сражении между французскими и английскими воинами в Бретани – территории, граничащей с Нормандией¹. Это событие взбудоражило множество юных умов, вдохновив их на подвиги, и юный граф де'Кантелё не был исключением, его сердце наполнилось жадой сражений и военных побед. Но пока военному делу его никто не обучал, Гийом с упоением отдавался своему увлечению охотой. Он лично занимался разведением своры гончих и каждой собаке давал имя. Радостный лай, доносившийся с псарни, нередко заставлял обитателей особняка вздрагивать, и вид испуганных слуг приводил Гийома в восторг. Со временем к лаю привыкли и пугаться перестали, что поначалу немного расстраивало «этого несносного мальчишку», и он даже не думал скрывать свою досаду.

¹ 26 марта 1351 – так называемый Бой Тридцати. Сражение между французскими и английскими рыцарями, не имевшее сильного влияния на дальнейший ход войны, но нашедшее отклик в обществе как пример рыцарской доблести.

Однажды Гийом привел с собой на охоту девчонку-простолюдинку, чем поразил своих приятелей. Девочка не имела никаких необходимых для охоты навыков, хотя Гийом заверял, что она метко стреляет из лука. Продемонстрировать свои умения норовистая простолюдинка, не носившая нательного креста, отказалась, да и к охоте выказала открытое отвращение. Никто не мог взять в толк, кто она такая и отчего позволяет себе столь вольное поведение с благородными людьми. Единственным, кого нисколько не удивляли манеры простолюдинки, был сам Гийом. Он лишь посмеивался над тем, в какое смятение приводят его приятелей едкие замечания и колкие взгляды девчонки. Хотя в конце охоты он был разочарован тем, что она отказалась стрелять из лука, и больше никогда не звал ее с собой.

Родители и сменявшие друг друга наставники уповали на то, что проповеди священников на святой мессе вразумят «этого несносного мальчишку», и он смирит свой пыл. Случалось, что Гийом и впрямь задумывался, не живет ли греховной жизнью. Однако в итоге он приходил к выводу, что, если б в его жизни было слишком много греха, всевидящий и всемогущий Господь давно покарал бы его. А по всему выходило, что Господь проявлял к нему любовь и милосердие. Задумываясь об этом, Гийом мог присмиреть на день-два и искренне стараться не нарушать заповеди... насколько это было возможно. Он честно молился – иногда даже не единожды в день, если решал, что за какой-то проступок все же стоит попросить прощения, – и соблюдал пост вместе со всей семьей. В Доме Божьем он преисполнялся неподдельного священного трепета и чувствовал силу и святость, витавшую над алтарем. Один вид Нотр-Дам-де-Руан приводил его в восторг, лишая дыхания, и Гийом почти физически чувствовал присутствие Господа там, когда с искренним смирением опускался на колени. Во время Святого Причастия ему казалось, что он может ощутить всеобъемлющую власть Небесного Отца.

Однако стоило покинуть собор, как от священного трепета не оставалось и следа. Это чувство возвращалось лишь в те минуты, когда Гийом обращался к Господу в молитве – не в той, что нужно было читать наизусть, но в той, что исходила из его собственного сердца. Никто никогда не говорил ему, что так можно делать, но он всегда считал, что так честнее.

В своих искренних молитвах Гийом просил Бога и святых ниспослать ему хоть одного по-настоящему близкого друга, который мог бы стать интересным и мудрым собеседником – взамен всех тех, что у него были. А еще он просил, чтобы Господь и Пресвятая Дева Мария хранили язычницу Элизу и не серчали на нее за ее неверие.

Руан, Франция

Год 1351 от Рождества Христова

Ренар Цирон, закрывшись плотной обработанной в течение многих вечеров деревяшкой, напоминавшей полтораручный меч, отскочил в сторону, осуждающе взглянув на друга.

– А не так яростно можешь? – воскликнул он. – Сломаешь же, придется заново все делать!

Вивьен утер со лба пот, выпрямляясь и выходя из боевой стойки, которую он принял, повинаясь неким инстинктам, но никак не знаниям и навыкам фехтовального искусства. Губы его расплылись в счастливой улыбке.

– Прости, мой друг. И правда, я перестарался.

Ренар глубоко вздохнул и начал снова наступать, замахиваясь деревянным мечом для удара.

В фехтовальном деле оба они были новичками. Их единственным реальным боем был бой на факелах в аббатстве Сен-Пьер-сюр-Див. И именно эта история заставила их всерьез

задуматься о том, чтобы научиться защищать себя в поединках. Как и о том, чтобы сменить веревочные пояса на кожаные ремни для сутан, а предписанные инквизиторам сандалии – на плотные ботинки. После пережитых ими злоключений Кантильен Лоран скрепя сердце пошел им на уступки и закрыл глаза на их неподобающий внешний вид.

История в аббатстве Сен-Пьер-сюр-Див сильно повлияла на судьбу Вивьена и Ренара. По возрасту они вовсе не годились в инквизиторы, однако молодому епископу Лорану удалось получить для них королевские грамоты, заверенные Его Святейшеством, а это официально утверждало их в должности. Судья Лоран сумел доказать, что его подопечные выработали все необходимые навыки в условиях суровой практики, и к его мнению прислушались – хотя, видит Бог, он и сам этого не ожидал. Когда он заступал на пост епископа, к нему относились, как к несведущему в делах Церкви светскому человеку и, вероятно, думали, что он не переживет разгул мора. Однако чума отступила, а авторитет Кантильена Лорана успел возрасти, хотя к его новаторскому подходу все еще относились с подозрением.

Уладив дела с утверждением своих подопечных в должности, Лоран собирался настоять на их постриге во имя хотя бы частичного соблюдения надлежащего внешнего вида. Юноши возразили, высказав мнение, что в случае необходимости им будет проще затеряться среди простых людей и выведать нужную информацию, если они *не будут* походить на монахов – коими они, вообще-то, и не являлись. Поразмыслив, Лоран и в этом вопросе пошел у них на поводу. Однако когда речь зашла о занятиях фехтованием, он энтузиазма не выказал.

– В конце концов, вы служители Господа, а не вояки, – заявил он. – Вашим вольностям должен быть предел.

– Да мы просто хотим хорошенько отметить врагов Господних! – с задором ответил ему Вивьен. – Если потребуется, разумеется, – добавил он, стараясь вернуть голосу кротость.

Лоран не одобрял этого воодушевления. Впрочем, дело было не в личной неприязни к оружию – сказывался неподдельный страх за подопечных после истории в Сен-Пьер-сюр-Див. Лоран почему-то полагал, что если юноши начнут заниматься фехтованием, они накликают на свои необритые головы только больше бед. Его опасения всячески разделял и множил аббат Сент-Уэна Бернар Лебо. Преподобный с завидной периодичностью писал судье Лорану и справлялся о делах бывших подопечных. По дергающейся брови епископа Вивьен и Ренар догадывались, сколько увещаний об опасностях духовного и физического характера, подстергавших их на пути становления инквизиторами, было в этих письмах.

Юноши сочувствовали своему нынешнему наставнику, но его беспокойства не разделяли. Улучая момент, они, не стовариваясь, бежали за припрятанными деревянными мечами и устраивали поединки...

– Давай попробуем еще раз! – вдохновенно предложил Вивьен, вновь готовясь отражать атаку друга.

Ренар начал наступать, нанося сильные, но довольно неумелые удары импровизированным мечом. Вивьен каким-то образом успевал довольно быстро реагировать и парировать их. Иногда создавалось впечатление, что он лукавил, когда заявлял, что никогда прежде не держал в руках оружие, хотя Ренар и понимал, что в Монмене учить его фехтовальному искусству было некому, а в Сент-Уэне этого и подавно никто бы делать не стал.

Вновь получив сокрушительный удар по своему оружию, закрыться которым он успел в последний момент, Ренар зашипел от злости.

– Вив, черт тебя побери! – выкрикнул он, проверяя свое оружие на предмет целости.

– Ну уж ладно тебе, дружище, я на этот раз даже почти не старался!

– Ты точно нигде до этого не учился?

– И где бы я это мог сделать, интересно мне знать!

– Сделать – что? – донесся из-за угла строгий, чуть суховатый знакомый голос.

Вивьен и Ренар мгновенно замерли и обернулись. Кантильен Лоран двигался к ним неспешной походкой, заложив руки за спину. Обыкновенно он редко заходил на этот участок двора – недалеко располагались конюшни, а епископ, насколько знали его ученики, не любил доносившийся оттуда резкий запах. Но, похоже, необходимость бдеть за своими учениками была сильнее этой неприязни.

– Изволите ли объяснить, что вы тут делаете? – Взгляд Лорана замер на деревянных мечях.

Ренар втянул воздух, чтобы начать говорить, но Вивьен опередил его.

– Я имел смелость полагать, что природа нашего занятия вполне очевидна, Ваше Преосвященство.

Лоран прищурился.

– В достаточной мере, – процедил он сквозь зубы. – А известно ли вам, господа инквизиторы, что мечи – оружие воинов, а не слуг Божьих?

– Как по мне, – продолжал Вивьен, – так желание как следует отметить врагов Господних для Его верных служителей вполне похвально. Во время проверки чумных монастырей нам бы эти умения пригодились.

Лоран поморщился.

– Насколько я могу судить, во время упомянутой тобой проверки вы прекрасно справились и без этих умений.

– С Божьей помощью, – смиренно опустил глаза Вивьен. – И все же на нее одну рассчитывать было бы слишком самонадеянно. Даже Спаситель, творя свои чудеса, требовал от тех, кому помогал, определенной доли участия в процессе. Не кажется ли вам, что и мы должны это участие проявлять? К тому же, насколько мне известно, папа разрешает инквизиторам носить оружие.

Лоран терпеливо вздохнул.

– Где ты это узнал?

– Прочел, – хмыкнул Вивьен.

– Что ж, тогда ты должен был прочесть и то, что человек может стать инквизитором не раньше сорокалетнего возраста.

Вивьен криво ухмыльнулся.

– В этом случае папский указ нарушают все, кто здесь собрался. – Он придиричливо посмотрел на судью, которому лишь в этом году исполнилось тридцать шесть. Лоран подобрался.

– Я хорошо понимаю, за что Бернар столько раз приказывал вас выпороть. – Он кинул быстрый взгляд на молчаливого Ренара и вновь повернулся к Вивьену. – Тебя – особенно.

– Если Ваше Преосвященство считает, что я заслуживаю наказания, я не смею вам перечить.

Лоран закатил глаза. Если он хотел изменить мнение или желание Вивьена с помощью плетей, стоило приказать палачам иссечь его до смерти. В противном случае Вивьен снес бы наказание стоически и остался бы при своем.

– Ступайте на занятия. Оба, – холодно сказал Лоран, развернувшись и направившись в здание. Однако через несколько мгновений замер, стал к своим ученикам в пол-оборота и добавил: – Как только закончите свои... военные игрища. У вас четверть часа.

С этими словами он поспешил удалиться от назойливого запаха конюшен как можно дальше.

Кантелё, Франция

Год 1351 от Рождества Христова

– А он симпатичный, этот твой юный граф! – Фелис посмотрела на удаляющуюся фигуру молодого человека за окном и отчего-то расплылась в довольной улыбке, сделавшей ее похожей на сытую кошку.

Элиза убрала со стола ступку, в которой молола травы, точно следуя указаниям матери. Взгляд так и норовил устремиться за окно, вслед за ушедшим Гийомом, и Элизе стоило больших усилий не пойти на поводу у своего желания. Вместо того она недовольно посмотрела на Фелис и фыркнула.

– Какое мне дело? И вообще! Почему «мой»?

– А чей же еще? – заговорщицки подмигнула ей Фелис, небрежно махнув рукой. Недовольство дочери забавляло ее. – Не надо так хмуриться, Элиза. Ну зачем, по-твоему, он постоянно к тебе бежит?

– Сейчас, – деловито вскинула голову Элиза, – из-за кашля, который его замучил. Он хотел вылечить его моим отваром.

Она с особой гордостью выделила слово «моим», кивком указав матери на ступку с травами. Фелис снисходительно склонила голову.

– Ну, конечно, – примирительно произнесла она. В ее тоне не было и намека на настоящее согласие, и это заставило Элизу нахмуриться сильнее прежнего. Пока она раздумывала над колкостью, которую можно было бы бросить в ответ матери, Фелис протяжно вздохнула. – Что ж, мне нужно сходить в деревню. Скоро вернусь.

Она с раздражающе довольным видом перемотала ниткой длинные вьющиеся волосы, поправила накидку, выторгованную у иноземных купцов на последней руанской ярмарке и, напевая что-то себе под нос, вышла из дома, не забыв напоследок скорчить рожицу дочери и племяннице.

Элиза несколько мгновений напряженно стояла, глядя на дверь, будто ожидая, что мать вернется и скажет что-то еще. Фелис, похоже, возвращаться не собиралась, и Элиза с тяжелым вздохом опустила плечи, понутив голову. Переведя дух после этой незначительной перепалки, которая отчего-то вымотала ее, она повернулась к сестре.

– Почему она так говорит? – Голос Элизы прозвучал умоляюще протяжно.

Рени сидела на скамье и рассматривала пейзаж за окном. В споре тетушки и сестры она не участвовала, и Элиза даже не могла с уверенностью сказать, что Рени слушала их – с нее бы случилось все это время витать в своих фантазиях.

– А тебе самой Гийом разве не кажется симпатичным? – прозвучал невинный вопрос. Рени моргнула, внимательно посмотрев на сестру.

– Мне... – Элиза хотела возмущенно сказать «нет», но запнулась, вспомнив глаза юного графа. Они были цвета льдинок, в которые превращается вода в самые холодные зимы. А какая у него обаятельная улыбка, какие широкие плечи...

«Дерьмо!» – выругалась про себя Элиза, вспоминая бранное слово, услышанное среди селян. – «И о чем я только думаю?!»

Между тем она осознала, что уже несколько невыносимо долгих мгновений стоит с мечтательным видом, а запланированное «нет» так и не сорвалось с ее губ. Рени, глядя на сестру своими выразительными зелеными глазами, продолжала молча ждать ответа.

– Мне он... может, и нравится, – нехотя призналась Элиза, поняв, что ложь будет звучать неубедительно. – Но почему мама говорит «твой»? Какой же он «мой», если он... хвастался мне, как «прелюбодействовал», – она поморщилась, произнеся это слово чересчур едко, – с девушкой, которая прислуживала его матери?

Воспоминания о рассказе Гийома захлестнули Элизу неприятной волной, резко оборвав ее речь. В памяти навязчиво воскресали образы: слова Гийома, его самодовольный вид, его

смешки и ужимки. В тот день в душе Элизы заворчалось какое-то жгучее, болезненное, нечеловечески сильное чувство, и теперь оно вновь заполнило все ее существо.

«А если оттащить эту глупую девицу за волосы, толкнуть в заросли крапивы и не выпускать, пока она будет визжать от боли, он все еще будет считать ее привлекательной?» – со злостью подумала она, вспоминая восторженный голосок и до отвратительности нежный облик той девушки. Руки сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Поняв, что надолго задержала дыхание, Элиза резко выдохнула и усилием воли заставила себя отвлечься от болезненного наваждения. Разжав ладони, она посмотрела на них и обнаружила отметины от ногтей, вдавившихся в кожу.

– Я не знаю, почему тетушка так сказала, – честно ответила Рени. Элиза понятия не имела, заметила ли сестра перемену в ней, но была благодарна за то, что она ничего на это не сказала. – Думаю, лучше переспросить у нее, когда она вернется.

– Да, – вздохнула Элиза. – Ты права.

Нужно было отвлечься, занять себя чем-нибудь.

Оглядев помещение, Элиза начала собирать посуду и относить ее к стоявшему на столе тазу с водой. Резкость движений выдавала ее напряжение, но затея сработала: навязчивые воспоминания и неприятные чувства отступили.

– Вот. Ты оставила, – услышала Элиза и едва не вздрогнула: Рени приблизилась очень тихо. В руках она держала миску, забытую сестрой. Не спрашивая разрешения, Рени встала рядом, окунула миску в воду и принялась оттирать ее от зеленоватых травянистых разводов.

– Спасибо, – улыбнулась Элиза.

Не мешая друг другу, сестры продолжили работать в тишине.

‡ 1352 ‡

Руан, Франция

Год 1352 от Рождества Христова

Кантильен Лоран неспешно шел по улице в сторону отделения инквизиции. Его заинтересованный взгляд иногда замирал на мужчине, идущем с ним шаг в шаг. Он встретил его недалеко от рыночных лавок и заметил на его поясе меч. Одет незнакомец был в черные штаны из грубой ткани и простую черную рубаху. Общий облик его невольно вызывал ощущение, что этот человек ведет довольно простой, аскетичный образ жизни – об этом Лорану говорило все: его походка, его осанка, его выражение глаз, жесты. Сызмальства Лоран очень хорошо умел опознавать по одному лишь внешнему образу глубинные оттенки поведения человека и весьма редко ошибался на этот счет.

Повинуясь внезапному порыву души, судья руанской инквизиции решил затеряться в толпе и последовать за этим человеком. Лоран отличался хорошей памятью и обыкновенно запоминал людей, которых встречал в городе. Может, он и не знал поименно каждого жителя, но с уверенностью мог распознать среди них чужака. Его объект интереса был именно *чужаком*. Он держался иначе – не так, как другие жители Руана. И Лоран мог поклясться, что никогда прежде не встречал его.

Пока они двигались по улицам города, держась на минимально возможном расстоянии друг от друга, Лорану показалось, что незнакомец несколько раз обернулся в его сторону, но шага не ускорил.

Приблизившись к Нотр-Дам-де-Руан, незнакомец почтительно остановился перед собором и осенил себя крестным знамением. Он не двигался с места некоторое время, а затем повернул голову в сторону донесшегося с соседней улицы шума. Оказалось, что после недавнего ливня повозка, везущая бочонки с вином, увязла одним колесом в грязи, и возница теперь пытался вытолкать ее оттуда, прилагая все возможные – но, увы, недостаточные – усилия.

Чужак почти мгновенно оказался рядом с возницей. Окинул оценивающим взглядом груз и покачал головой.

– Боюсь, ваша лошадь такую тяжесть из грязи не вытянет, – заметил он. – Позвольте помочь? Стоит осторожно разгрузить телегу, вытолкать ее, очистить колесо и после – водрузить груз обратно.

Возница уставился на незнакомца с искренней надеждой. Возможно, он впервые оказался в подобной ситуации – по его виду Лоран мог сказать, что в деле своем он новичок и чувствует себя весьма неуверенно.

Замерев в отдалении, Лоран наблюдал за действиями незнакомца.

Сняв несколько бочек с телеги, мужчина в черных одеждах аккуратно отставил их в сторону. Он разгрузил телегу, следя за тем, чтобы бочки не посыпались вниз и не погребли под собой несчастного возницу. Затем мужчина примерился к веревкам, ища место, в котором собирался их перерезать. Он явно намеревался сделать это так, чтобы после веревки можно было использовать снова.

– Подержите, будьте любезны, – обратился он к вознице, протягивая ему разрезанную веревку. – Я разгружу оставшиеся бочки.

Лоран заинтересованно смотрел на этого отзывчивого сдержанного мужчину, готового помогать ближнему, как завещал Господь.

«И мечом, судя по этому удару, он владеет достаточно хорошо. Уж не возьмется ли он, часом, за обучение двух невыносимых типов, коих меня дьявол попутал взять себе в ученики?»

Прошло еще некоторое время, прежде чем возница сумел продолжить путь. За свою помощь чужак ничего не попросил, лишь пожелал доброй дороги. Лоран уже решил подойти к нему, когда мужчина снова посмотрел в его сторону – на этот раз явно – и обратился напрямую:

– Доброго дня. Вижу, вы давно следуете за мной. Могу я узнать, чем вызван ваш интерес?

Лоран улыбнулся и приблизился.

– Вы недавно в городе, как я погляжу, – кивнул он.

– Это так заметно? – ровным голосом отозвался незнакомец.

– Боюсь, что да.

– Могу я спросить, каким образом?

Лоран покачал головой.

– Спросить вы можете, но, думаю, мои методы определения чужаков отличаются от привычных методов остальных горожан. Видите ли, я хорошо обучен распознавать людей по их манере держать себя. И ваша намекает мне на то, что вы в городе недавно. Выходит, я не ошибся.

– Выходит, что так, – кивнул незнакомец и замолчал, ожидая ответа на свой изначальный вопрос. Лоран о нем помнил.

– Могу я узнать ваше имя, месье?

– И все же, откуда столь живой интерес к моей персоне, отче?

Лоран одобрительно кивнул. Он частенько выходил в город в облачении простого францисканского монаха, поэтому не ждал, что чужак узнает в нем епископа.

– Видите ли, подобный интерес положен мне *по долгу службы*.

Лицо незнакомца сделалось совершенно непроницаемым.

– Вы инквизитор, – тихо произнес он, опустил голову и печально усмехнулся. – Похоже, едва прибыв в город, я успел совершить ошибку, раз вызвал ваш интерес.

– Бросьте, сын мой, – добродушно покачал головой Лоран. – За то недолгое время, что я изучал вас, вы проявили себя как добрый христианин, помогающий ближнему. Если уж на то пошло, мне стоило первому представиться вам и объяснить, чем вызван мой интерес. Меня зовут Кантильен Лоран.

Незнакомец удивленно приподнял брови и почтительно склонил голову.

– Ваше Преосвященство. Я слышал о вас, но не имел чести встречать вас лично. – Он выпрямился. – Вы были правы, я совсем недавно прибыл в город. Мое имя Ансель де Кутт.

– Искренне рад встрече. Похоже, Господь послал мне свою милость, подсказав последовать за вами. Вы не против пройтись?

– Нисколько, – смиренно согласился де Кутт.

Епископ увлек его за собой в сторону отделения инквизиции. Он внимательно, с нескрываемой заинтересованностью поглядывал на него по пути: в нем сквозила напряженность, но это было неудивительно – любой человек напрягся бы, если б судья инквизиции ни с того ни с сего предложил ему пройтись, объяснив такое желание интересом к его персоне. Для чужака, который мог бы страшиться подобного рода проблем, Ансель де Кутт демонстрировал удивительное внешнее спокойствие. От него буквально веяло кротким нравом и истинным христианским смирением.

– Откуда вы прибыли, месье Ансель? – радушно поинтересовался Лоран. – К сожалению, я не слышал о земле или поселении под названием Кутт.

Ансель склонил голову.

– Я долго странствовал, Ваше Преосвященство. Давно покинул родные края, поэтому не могу с уверенностью сказать, что место под названием Кутт существует в наши дни. Чума опустошила множество уголков Франции.

– Что ж... и все же, быть может, вы назовете более крупный город недалеко от ваших родных краев, который помог бы мне сориентироваться?

– Каркассон, – мрачно отозвался Ансель.

Лоран нахмурился.

– Каркассон, – повторил он. – Город с весьма беспокойной историей.

– Потому я и покинул те края, – кивнул его новый знакомец. Голос его звучал ровно, однако нотки тоски не укрылись от Лорана.

– Я уже говорил вам, что часто сужу о людях по тому, как они несут себя в мир. Ваш облик... примечателен. – Он продолжал говорить добродушно, но буравил Анселя взглядом с неподдельным интересом. – Вы носите траур, месье Ансель?

Де Кутт неопределенно покачал головой.

– Вы снова не ошиблись, Ваше Преосвященство.

– Соболезную вашей утрате, – опустил глаза Лоран. – Мор унес жизни множества людей. Ваши родные тоже погибли?

– Все до единого. Никто не выжил.

– Я помолюсь о них.

– Благодарю вас, Ваше Преосвященство.

Некоторое время они шли молча. Затем Лоран заговорил снова:

– Я наблюдал за тем, как вы помогли вознице с телегой. Вы воспользовались мечом, чтобы нанести удар по веревкам. Я не силен в фехтовании, но у меня сложилось впечатление, что вы – сильны в нем. Вы рыцарь, месье Ансель?

– Из рыцарского имущества у меня только меч. Как вы изволили выразиться, мор унес жизни множества людей. Мой родной дом был разграблен и уничтожен, я покинул его, унеся с собой лишь умения и навыки, коими и пытаюсь заработать себе на пропитание. Помогаю ближним, чем могу, как завещал нам Господь.

– Ваши *умения и навыки* включают в себя владение мечом?

– Да, Ваше Преосвященство, я обучен обращаться с оружием. Однако я не любитель применять его без крайней необходимости. Зачастую один лишь вид его способен внушить недоброжелателям разумную опаску и предостеречь их от того, чтобы намерение причинить человеку зло обернулось в действие.

– Похвальная позиция, сын мой. – Лорану с каждой минутой все больше нравилось, как этот человек себя держит. – Считаете ли вы обучение фехтованию неприемлемым занятием? Или же этим вы тоже зарабатываете себе на жизнь?

Ансель внимательно посмотрел на епископа.

– В своей жизни мне доводилось обучать молодых людей основам владения оружием, Ваше Преосвященство. Если именно эти мои навыки требуются в тех местах, где я останавливаюсь, я применяю их. Иногда весть о том, что кому-либо требуется учитель такого рода, доходит до меня из других городов, и я намеренно направляюсь по месту, чтобы найти временную работу.

Лоран улыбнулся.

– За этим вы прибыли в Руан?

– В Руане я проездом. До меня дошла весть с земель графа де'Кантелё, я держал путь туда, чтобы выяснить, требуется ли сыну графа учитель.

И снова Лоран не сдержал победную улыбку.

– Кантелё находится совсем недалеко отсюда. Скажите, месье Ансель, работа в Руане в качестве дополнительного заработка могла бы вас привлечь?

Ансель нахмурился.

– Прошу простить, Ваше Преосвященство, но я никак не возьму в толк: вы хотите обучиться фехтованию?

Лоран рассмеялся.

– Вы почти не ошиблись. Но обучиться хочу не я, а мои помощники. Для инквизиторов они еще совсем молоды, но, тем не менее, официально устроены в руанское отделение и проявляют похвальное рвение в нашем деле. Я взял их к себе в ученики в тот самый год, когда на город обрушилась чума. Болезнь миновала этих двоих. А когда она пошла на убыль, они вдвоем объезжали окрестные монастыри, чтобы выяснить, кто остался в живых, кто погряз в ереси, а кто пал жертвой мора. После этого тяжкого испытания они пылко загорелись идеей уметь защитить себя в случае опасностей. Поразмыслив, я решил, что мог бы им это позволить, если *вы*, месье Ансель, согласитесь учить их.

Ансель погрузился в тяжелые раздумья, и Лоран не торопил его с ответом.

Наконец, Ансель вздохнул и кивнул.

– Как минимум, мне было бы интересно на них взглянуть.

– Всенепременно.

Лоран повел своего нового знакомого к участку возле епископских конюшен, рядом с которыми его нерадивые ученики проводили свои тренировки, урывая для этого каждый удобный – и неудобный – момент.

Заметив Лорана, Вивьен и Ренар замерли, опустив свои изрядно потрепанные деревянные мечи. На спутника епископа они воззрились с явным недоверием, но притом с неподдельным интересом.

– Ваше Преосвященство, – почти хором кивнули они, приблизившись.

– Месье Ансель, представляю вам свою кару Господню: их зовут Ренар, – он кивком головы указал на долговязого светловолосого молодого человека, – и Вивьен. – Теперь взгляд судьи замер на черноволосом ученике с острым носом и колкими серыми глазами.

– Рад знакомству, – спокойно склонил голову де Кутт.

Вивьен внимательно пригляделся к нему. Он был старше их с Ренаром – примерно лет на пятнадцать, может, больше. Высокий лоб, светло-русые волосы, заметная худоба, наметившиеся морщины в уголках глаз, жилистые тонкие руки с заметными синими венами на ладонях. Он был высокого роста, спину держал прямо – хотя, похоже, это было результатом не военной выправки, а личных стараний. Создавалось впечатление, что ему гораздо сильнее хочется опустить и сгорбить плечи, чем держать их расправленными. Вивьен видел, что этот человек всеми силами старается владеть собой и своими чувствами – такое качество было характерно и для него самого. В целом незнакомец заранее вызывал, скорее, симпатию, чем наоборот, но Вивьен не мог отделаться от легкого чувства настороженности по его поводу.

– Итак, – Лоран расплылся в улыбке, – месье Ансель де Кутт любезно согласился попытаться утолить вашу блажь, мои дорогие. Если сегодняшняя встреча пройдет гладко, месье Ансель станет вашим учителем по фехтованию. Если, конечно, охота у вас еще не пропала, ведь средства на его услуги я буду вычитать из вашего жалования.

Вивьен и Ренар переглянулись. Им потребовалось всего мгновение, чтобы принять решение.

– Мы были бы счастливы начать обучение, Ваше Преосвященство, – с должной учтивостью произнес Ренар.

– Вот и прекрасно. Что скажете, месье Ансель? Готовы остаться с этими двумя на пробный урок?

– Попытаюсь не обмануть ваших ожиданий, Ваше Преосвященство. – Он внимательно посмотрел на двух молодых людей. – И ваших, юные господа инквизиторы.

– Замечательно. *Отметелъте* их хорошенько во славу Господню. Даст Бог, может, и научатся чему. Если перед началом занятия у вас будут еще какие-то пожелания... – елеинно улыбнулся Лоран, предпочтя не заканчивать фразу.

– Если это возможно, – Ансель бросил спокойный взгляд на стражника, стоявшего неподалеку, – я бы хотел попросить того господина одолжить нам свой меч на время короткой тренировки.

Лоран вопросительно приподнял брови. Ансель кивнул.

– Ваши ученики, насколько я успел заметить издали, весьма энергичны и подходят к тренировкам с избыточным рвением. Увы, это не всегда хорошо. Этого рвения поубавится, когда они почувствуют в руке вес настоящего оружия. Часть их концентрации будет уходить на то, чтобы просто не уронить его.

Лоран нахмурился.

– Не опасно ли давать им в руки настоящее оружие с первой тренировки?

– Поверьте, за безопасностью я буду следить. Если вам угодно, вы можете остаться и посмотреть. Или же приставить к нам стражников.

Судья несколько мгновений размышлял, затем махнул рукой.

– Я прикажу паре стражников понаблюдать за вами. На всякий случай.

– Как вам будет угодно.

Подготовка к занятию заняла несколько минут. Все это время Вивьен и Ренар с нескрываемой подозрительностью разглядывали своего нового учителя. Когда в его руках оказался второй меч, Ансель изучающе посмотрел на своих учеников и подозвал к себе Ренара.

– Подойди, пожалуйста, – вежливо попросил он. Ренар повиновался и замер напротив него. Ансель едва заметно улыбнулся и протянул ему меч, позаимствованный у стражника. – Вот. Возьми. Подержи в руке.

– И все? – недоверчиво нахмурился Ренар.

– Пока – да. Сейчас поймешь, почему.

Ренар и вправду быстро это понял: оружие показалось ему непривычно тяжелым. Он отступил от Анселя на несколько шагов и осторожно сделал пару взмахов. Рука начала уставать с непривычки.

– Держать в руке деревянную копию меча – не то же самое, что держать настоящее оружие. Нужно развить мышцы рук, привыкнуть к весу и нащупать баланс, потому что у стального и деревянного мечей он будет существенно различаться.

В следующие минуты Ансель продемонстрировал Ренару стойку, показал, как следует держаться, чтобы не терять равновесие, легко выхватил собственный меч и медленно, с должной методичностью, несколько раз скрестил с ним клинки, чтобы Ренар понял примерное сопротивление и давление.

– Отдохни немного. Продолжим чуть позже, – миролюбиво сказал Ансель. Взгляд его обратился к Вивьену. – Теперь ты. То же самое.

Вивьен кивнул, сделал несколько шагов, на ходу приняв из рук Ренара меч, и остановился напротив Анселя в той самой стойке, которую тот показал его другу.

– Гляжу, ты усвоил то, что я говорил? – улыбнулся Ансель.

– Я отличаюсь внимательностью, месть...

– Ты запомнил мое имя? – улыбка Анселя стала чуть шире.

– Я вежливо даю вам возможность назвать *полное*. Оно ведь у вас есть?

– Кажется, я начинаю понимать, почему ваш наставник так отзывался о вас, и к кому конкретно были обращены его особые замечания, – сказал Ансель, становясь в стойку. – Взвесь оружие в руках. Почувствуй...

– Я понял. Я вас *слушал*. – Юный инквизитор, повинаясь инстинкту, прокрутил меч в руке. Он был тяжелым, и Вивьен понял, что рука быстро устанет, однако примерно прикинул, как надолго хватит его сил. – Вы не ответили на вопрос.

– Въедливый, – оценивающе усмехнулся Ансель. – Отвечу, если попробуешь нанести удар. Вижу, у тебя неплохие задатки, и ты довольно быстро ориентируешься с оружием в руке.

Вивьен не стал ждать второй команды. Вложив много сил в свой выпад, он сделал наступательный шаг, но Ансель легко парировал удар. Вивьен почувствовал, что довольно быстро запыхается, если продолжит в том же духе, поэтому вернулся в стойку и замер в ожидании. Ансель изучающе склонил голову, глядя на его реакцию.

– Надо же, – тихо произнес он. – Полная боевая готовность. Отчего ты ждешь, что я всерьез нападу на тебя?

«И правда. Отчего?» – спросил себя Вивьен. Ответа он не знал.

– Я не знаю, – честно сказал он.

– Полагаю, ты всегда так насторожен?

– Временами, – хмыкнул Вивьен.

Ансель кивнул и поманил его к себе.

– Подойди. Попробуем то же самое, что я показывал Ренару. Нанеси легкий удар по клинку. Почувствуй сопротивление стали. Почувствуй, какое нужно оказать давление. Первое занятие направлено на то, чтобы вы привыкли к оружию и не боялись его. Хотя с последним у тебя проблем нет.

Вивьен выполнил указание учителя, и ему потребовалось немалое усилие, чтобы выдержать давление его меча.

– Ансель де Кутт. – В голосе мужчины отчего-то зазвучали уважение и благодарность. – Я обещал, что представлюсь.

– Вивьен Колер. – Молодой инквизитор вторил его тону.

– Колер?

– Это прозвище дали моему отцу. Оно, – Вивьен поморщился, – закрепилось.

– Интересное имя. Тебе подходит, учитывая твою проглядывающуюся манеру сражаться.

– Надеюсь, что вы ошибаетесь.

– Я бы предпочел, чтобы вы с Ренаром обращались ко мне на «ты». – Ансель, наконец, ослабил давление на клинок, и Вивьен тяжело опустил руку с мечом, чувствуя, что устал. – Если, конечно, вы решите продолжить занятия.

– Всенепременно. Ансель, – улыбка Вивьена заметно потеплела.

Несколько минут назад он толком не мог понять, вызывает в нем этот человек опасение или симпатию. Теперь сомнений не было.

Ренар тоже быстро проникся к нему уважением и был искренне рад, что его друг не натворил бед, после которых от учителя пришлось бы отказаться.

Кантелё, Франция

Год 1352 от Рождества Христова

– Боже, отчего же девушки такие сложные? – Гийом сокрушенно вздохнул и побарабанил пальцами по скамье, на которой сидел.

– М? – вопросительно промычала Элиза, отвлекаясь от созерцания желтых покрывающих поле колосьев. – Что-что?

Они сидели на улице, прислонившись к стене ее дома, и ели странное, составленное совместными стараниями кушанье: куриные ножки, сворованные юным графом у поваров, смешанные с приготовленными Элизой овощами и собранными ею ягодами.

Последний обход крестьянских хозяйств графским управляющим завершился благополучно: собранные подати радовали, так как крестьяне, наконец, сумели почти полностью опраться от нагрянувшей несколько лет назад чумы и теперь снова работали в полную силу.

Гийом же в приступе щедрости, нападшем на него по этому случаю, решил поделиться благами со своими ближними.

– «Что-что»? – кривляясь, передразнил юноша. – Да я все про ту... как же ее там... – Он нахмурился, попытавшись припомнить имя, но так и не сумел. – Дочка нашего конюшего. Красивая девка, спору нет, и хороша не только внешностью, как ты понимаешь. Но, черт возьми! Караулить меня во дворе и смотреть с тоской каждый раз, как я прохожу мимо! На что она надеется? В конце концов, неужели ее скудоумие позволило ей рассчитывать на что-то большее? Ну отдалась она мне, все получили удовольствие! Что ей теперь от меня нужно?

Он схватил с блюда куриную ножку и с недовольным видом вгрызся в нее зубами, будто это несчастная мертвая птица досаждала ему своим вниманием, а вовсе не влюбленная девушка.

– Нет, ну *что* ей надо? – Он воззрился на Элизу так, словно действительно ожидал от нее объяснения. Причем, немедленно.

Элиза терпеливо вздохнула, постаравшись напустить на себя бесстрастный, почти скучающий вид.

– Надо думать, она влюбилась в тебя, и теперь ее сердце наполняет надежда на то, что ты питаешь к ней ответное чувство. – Ей стоило огромных усилий пожать плечами с деланным равнодушием. Чтобы не выдать своих истинных чувств, она взяла с блюда небольшую ягоду и небрежно отправила ее в рот.

«И почему ты обращаешься ко мне с этими вопросами? Ну почему?» – гневно спрашивала про себя, но задать этот вопрос вслух не решалась, хотя все ее существо рвалось сделать это, сопроводив свое возмущение хорошим и внушительным толчком ему в грудь.

Элиза заставила себя сдержаться. Она *всегда* сдерживалась, когда ее захлестывали такие желания. Эти разговоры вызывали у нее неприязнь и даже боль, но она не могла позволить себе проявить слабость и признать это вслух, ведь тогда – она была уверена – Гийом отнесется к ней так же пренебрежительно, как к той «красивой девке», а это было бы невыносимо. Элиза справедливо рассудила, что ей проще терпеть эти неприятные беседы, чем испытать на себе презрение Гийома де'Кантелё.

– Влюбилась, – недовольно закатил глаза юноша. – Выходит, и вправду дура. Я ее никогда не смогу полюбить. А это еще и объяснять придется! Такая глупость!

Элиза склонила голову, вопросительно взглянув на него. Брови ее недоверчиво приподнялись.

– Да ты хоть одну девушку полюбить способен? – ядовито спросила она и тут же пожалела об этом вопросе.

Гийом, как ни странно, глубоко задумался, подняв глаза к небу. Через мгновение лицо его исказила характерная ухмылка.

– Пока не знаю, – честно ответил он и перевел взгляд на Элизу. – Если влюблюсь, пойму. Элиза невольно вжала голову в плечи, заметив в его взгляде легкую насмешку.

«Он все понял! Он и меня теперь считает дурой!»

Пока Элиза терзалась своим страхом, всячески стараясь сохранить лицо непроницаемым, Гийом разглядывал ее так, словно она была интересным экземпляром из коллекции драгоценностей его родителей. За минувшие зиму и весну она отчего-то стала очень... *красивой*. Проницательные светлые глаза, тонкая талия, золотые волосы, в которые она начала вплетать странные деревянные бусинки, поцелованное солнцем лицо и плечи...

Опустив взгляд, девушка взяла тонкими пальцами еще одну маленькую алую ягоду, напоминающую драгоценный камушек, и съела ее, слегка проведя пальцами по губам.

– Что ты так смотришь? – небрежно спросила она. – Еще каких-то разъяснений от меня ждешь?

– Нет. Просто... сложный ты вопрос задала, знаешь ли, – буркнул Гийом.

Элиза прислушалась к тому, что услышала в его голосе, и, к собственному удивлению, уловила в нем не насмешку, не презрение, а укор. Она не знала, что ответить на это – его реакция заставила ее на миг растеряться. Тем временем Гийом, выбросив куриную кость и посмотрев на то, что осталось на блюде, небрежно махнул рукой и сказал:

– Оставшееся заведи домой, пусть мать и сестра полакомятся. А сейчас – идем со мной.

Элиза, как и всегда, была поражена его стремительностью.

– Что? Куда?

– Боже, да просто оставь еду, и идем! – Юноша нетерпеливо махнул рукой, чтобы она поторапливалась.

Элиза вздохнула. Все же эта его внезапность поражала ее и, как ни странно, завораживала. Заставляла ее лучше ощущать течение времени – Гийом словно умел ускорять и замедлять его, когда считал нужным. Это вызывало небывалое любопытство, и еще ни разу не случилось, чтобы юный граф это любопытство не удовлетворил.

Поднявшись и спешно отнеся блюдо в дом, Элиза вернулась и последовала за Гийомом.

– Честно говоря, я не слишком разбираюсь в тонкостях. – Гийом неуверенным взглядом окинул подвальное помещение, заполненное бочками и бутылками разных размеров. – Но это не столь важно! Главное, что здесь все хмельное! – тут же успокоил он самого себя и двинулся вперед, выбирая, какой бы бочонок вскрыть.

Элиза зябко поежилась, обхватив себя руками и неуверенно последовав за ним. В погребе графского особняка она никогда до этого не бывала, но уже знала, что здесь хранятся вина, эль и прочие хмельные напитки. Сама она до этого пила лишь сидр и изредка сладкое вино с пряностями, которым угощал ее Гийом. Мысль о теплом пряном вине сейчас и вовсе вдохновляла – каменные стены и темные своды погреба были холодными и, похоже, сырыми.

– Тут холодно, – жалобно проговорила Элиза, намекая, что хотела бы поскорее уйти отсюда.

– Ничего, сейчас от вина согреемся, – отмахнулся граф, присматриваясь к нескольким пыльным бутылкам, стоящим на не менее пыльном бочонке.

– Не думаю, что настолько согреюсь, – страдальчески протянула Элиза. – Давай возьмем вино, если ты так этого хочешь, и поскорее уйдем.

Она не стала напоминать ему, насколько неуютно чувствует себя в таком большом каменном доме.

Несколько раз обернувшись и заметив, наконец, что Элиза начинает стучать зубами от холода, Гийом, устало вздохнув, приблизился к ней, снял свой украшенный серебряной вышивкой плащ, протянул ей, а сам остался в рубахе.

– Держи и не пищи, как цыпленок. И не торопи попусту. Лучше зажги остальные факелы, а то с одним тут темно.

Элиза спросила, не замерзнет ли он сам, но он лишь небрежно отмахнулся.

Пока она, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться, зажигала несколько факелов одним горящим, Гийом выбрал два бочонка и начал вскрывать их охотничьим ножом.

– Вот, – он протянул Элизе один из них. – Угощайся. Наше сиятельство сегодня очень щедрое.

Он манерно поклонился, невольно заставив Элизу хихикнуть. Открыв второй маленький бочонок, Гийом замер напротив своей гостьи.

– Твое здоровье, ведьма! – произнес он. Это слово, которого побаивались простые селяне, слетало с его губ без опаски, без неприязни, без стеснения. Гийом де'Кантелё словно сделал это слово какой-то особенной, лишь одному ему понятной игрой, в которую втягивал Элизу, и она просто не могла не поддержать ее.

– Ваше здоровье, милорд, – ухмыльнулась она в ответ.

Они шумно соприкоснулись бочонками, которые им приходилось удерживать обеими руками, и сделали по внушительному глотку.

Каменные своды покачивались перед глазами, а пятнышки факелов теряли ясность, двигаясь и расплываясь. Чтобы удержать равновесие, Гийом и Элиза то цеплялись друг за друга, обнимаясь, то приваливались к стене, но та была холодной, и они, досадливо шипя, отскакивали от нее и тут же начинали пьяно смеяться над этой неудачей, снова обнимаясь.

– Когда Кантелё станет моим, – юный граф мечтательно прикрыл глаза и уткнулся носом в плечо Элизе, но тут же вновь поднял голову, – я построю еще несколько мельниц! Хочу, чтобы наши ремесленники... знаешь, чтобы ткачи плели не просто одноцветное полотно. Хочу, чтобы они делали... представляешь, узоры, как... а еще перестрою деревню, чтобы улицы проходили не под... углом, а прямо! – Отстранившись от обнимавшей его Элизы, он стал показывать руками, какой угол имел в виду. – Так будет удобнее ездить повозкам, и проще будет вести торг на площади в деревне... потому что...

Элиза внимательно слушала, пытаясь вникнуть, но разум так и норовил расслабиться и слить рассказы Гийома в один общий умиротворяющий шум. Поддавшись этому порыву, она просто остановила свой помутившийся хмелем взгляд на его лице и поняла, что не в силах оторваться от него. Гийом небрежно обнимал ее, и острота испытываемых ею чувств становилась почти непереносимой: она вздрагивала от каждого его прикосновения и с трудом удерживалась от того, чтобы ахнуть. Спасало лишь то, что от этих объятий дыхание ей перехватывало, и она была не в силах выдавить из себя ни звука. Благо, он и не требовал от нее ничего говорить – он был счастлив, что нашел благодарного слушателя, с которым мог поделиться своими планами.

Элиза же искренне радовалась тому, что в помещении, несмотря на зажженные факелы, было достаточно темно, чтобы предательский румянец, заливавший ее щеки, не бросался захмелевшему юноше в глаза. А еще она отметила, что он был прав: в холодном погребе и впрямь стало немного теплее.

– Элиза. – Гийом вдруг развернул ее к себе и крепко обнял за талию, глядя в глаза нетрезвым, но вполне осознанным взглядом. – Знаешь, что?

Она ждала продолжения, но его не последовало – похоже, он так и не придумал, что сказать ей дальше. Вместо этого он, не размыкая объятий, потянул ее прочь из погреба.

– Ты... всегда будешь так делать? – хихикая и слегка спотыкаясь на ходу, спросила Элиза.

– Гм... да, – последовал самодовольный ответ.

Элиза узнавала коридоры и лестницы, по которым он ее вел – она несколько раз бывала здесь. Поднявшись на верхний этаж, Гийом остановился перед дверьми своей комнаты, впустил туда Элизу, вошел следом и притворил дверь. Взяв девушку за обе руки, он вывел ее на середину помещения. Элиза успела заметить красивый гобелен на каменной стене, окно с небольшим витражом и застеленную дорогими тканями кровать с балдахином.

– Так вот. Знаешь, что? – повторил Гийом, расплываясь в той самой коварной улыбке, которая всегда всплывала в памяти Элизы, когда она думала о нем.

– Что? – спросила Элиза и изумилась тому, насколько игриво прозвучал ее голос. Она не помнила за собой манеру говорить с ним *вот так*. Это было немного страшно, но... будь она проклята, если перестанет!

Он снова прижал ее к себе, и она, повинувшись какому-то инстинкту, положила руки ему на плечи. Улыбка Гийома сделалась еще шире, он потянулся к Элизе и поцеловал ее.

Казалось, земля ушла у нее из-под ног. Единственное, что помогло Элизе в эти несколько мгновений устоять и не упасть – это крепко держащие ее руки Гийома. Она ответила на поцелуй, не очень переживая о том, что никогда до этого не знала, как это делается.

Элиза не поняла, когда они успели переместиться на кровать. Лежа под балдахином, они продолжали целоваться так, как будто больше никогда не собирались отрываться друг от друга. Захмелевший взгляд Элизы иногда бродил по комнате, но все ее внимание тут же перетягивало на себя жаркое дыхание Гийома.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – успела подумать она.

Стук распахивающейся двери беспощадно разорвал на кусочки миг блаженства, который они так страстно и жадно делили друг с другом.

– Милорд! Прошу прощения, милорд...

Элиза и Гийом отпрянули друг от друга, вскочив с кровати и уставившись на застывшего в дверях посыльного – тощего лопоухого молодого человека, который был едва ли намного старше их. Тот, в свою очередь, в ужасе выпучил глаза и раскрыл рот, словно в немом крике.

На несколько мгновений в комнате повисло напряженное молчание. А затем слуга, продолжая стоять в дверном проеме, сосредоточил свой опасливый взгляд на Элизе, заметил амулеты на ее шее и со страхом прошипел:

– *Ведьма...*

– Что тебе нужно? – не скрывая своей злобы, рявкнул Гийом.

– Ведьма! – повторил тот, словно не слыша слов графа, и несколько раз перекрестился. – Спаси, Боже... Демоница! Милорд, верно, околдован! Приворожила, дьявольская девка! ВЕДЬМА! Боже, спаси! – Его голос постепенно начал переходить на крик. Не прекращая креститься, он начал пятиться обратно в коридор.

Гийом в два шага преодолел расстояние до двери, втащил слугу за шиворот в комнату и хорошенько встряхнул его:

– Не ори, болван!

Тот посмотрел на своего господина круглыми от ужаса глазами. Он не прекращал осенять себя крестным знамением. С губ его срывался едва различимый лепет, а взгляд то и дело возвращался к девушке.

– Гийом, – обратилась Элиза и уловила в собственном голосе предательскую дрожь, – это неправда... я... я тебя не приворожила! Я никогда не стала бы делать ничего такого! Клянусь тебе!

– Я знаю. – Он стоял к ней спиной, все еще держа за шиворот злосчастного слугу, и она не видела его лица, но голос его тоже дрожал. От злости. – Я знаю, Элиза. Но тебе лучше уйти.

– Но я...

– Видишь, у меня теперь проблемы? – раздраженно проговорил юный граф, слегка поворачиваясь к ней. – Мне надо с этим разобраться. Я разберусь. И тогда... увидимся. – Он нервно улыбнулся краешком рта. – Иди.

Элиза коротко кивнула, взглянула на него и попыталась улыбнуться. Вышло немного нервно, но она решила, что это лучше, чем ничего. Протыкнув за дверь, она почти бегом бросилась вниз по лестнице. Гийом проводил ее глазами и снова повернулся к слуге. Тот сжался: взгляд графа не предвещал ничего хорошего.

– Объясни-ка мне, друг мой, почему ты решил ворваться в мою комнату без стука?

– Дверь была... м-м-милорд, дверь была приоткрыта, и я подумал...

– Ты *подумал*, – с нескрываемой злостью передразнил он. – Ты уверен, что умеешь это делать?

– Я п-прошу прощения, милорд, у меня было срочное...

– *Что* – срочное? – нетерпеливо прорычал Гийом.

– Милорд, меня послали сообщить, что прибыл ваш новый учитель.

«Только этого не хватало!»

– Учитель, значит? Не припомню, чтобы об этом был разговор...

– Чтобы учить вас, милорд, навыкам боя на мечях.

– Ах вот как, – задумчиво повторил Гийом.

«Очередная попытка приставить ко мне занудного надзирателя – на этот раз под предлогом того, что мне будет интересно?»

– Да, он... ждет вас в общей зале.

– Замечательно! – Гийом расплылся в улыбке, и на этот раз она вышла почти *пугающе* миролюбивой. – С нетерпением жду знакомства с ним, раз так.

Выйдя из своей комнаты и вытолкнув оттуда слугу, Гийом с силой захлопнул дверь и стремительно направился по лестнице вниз. Он не рассчитал силу, отталкивая слугу, и бедняга врезался спиной в стену, сдавленно охнув. Гийома это не волновало. Ни хмель, ни желание еще не ушли до конца из его тела, и теперь первое будоражило ему кровь, а второе выводило из себя невозможностью удовлетворить его. Единственное, что вызывало радость – мысль о том, что сейчас ему будет, на ком выместить злость.

Выбежав во двор через дверь, которой пользуются слуги, и устремившись к опушке леса, Элиза помчалась прочь. Она даже успела столкнуться с кем-то в дверях, едва не сбив его с ног, но сердце ее колотилось так часто, а разум был настолько занят одной мыслью – «бежать!» – что она почти не заметила препятствия.

Добравшись до перелеска, она продолжила продираться сквозь заросли, будто чувствуя за собой погоню. Остановилась она, лишь когда в боку сильно закололо от долгого бега. Опершись рукой о ствол ближайшего дерева, она согнулась и приложила вторую руку к боку и попыталась отдышаться.

Дыхание понемногу пришло в норму, но в горле все еще стоял тяжелый противный ком – невыносимо горький.

«Что со мной такое? Что меня... так задело?» – спрашивала она себя и не находила ответа. Она лишь чувствовала, что мерзкое прозвище «ведьма», к которому она, как ей казалось, привыкла, внезапно прозвучало слишком ядовито. Момент, о котором она не смела даже мечтать, ускользнул от нее и был безвозвратно испорчен. А руки и губы до сих пор помнили прикосновения Гийома, и тело страстно жаждало их. Однако отчего-то Элиза знала, что вряд ли ей посчастливится оказаться в его объятиях снова в ближайшее время. Если вообще посчастливится...

«А чего я ожидала?» – спросила себя Элиза, мрачно усмехнувшись и сделав несколько шатких шагов в чащу. Она цеплялась за деревья так, словно лишь они сейчас могли удержать ее от погружения в омут горечи.

Обычно природа всегда умела утешить ее – любое горе и любая печаль смягчались, когда Элиза оказывалась в окружении леса и позволяла свободному, могущественному лесному духу захватить себя, сделать своей частью. Мать-Земля никогда не оставляла свою дочь, когда та

приходила к ней за успокоением. Однако сейчас все отчего-то было иначе. Словно ее горе было гораздо больше, гораздо сильнее, чем тот покой, который лес мог поставить ему в противовес.

Элиза понимала, что не хочет делиться этим ни с Рени, ни с Фелис. Ей казалось, что понять ее не сможет никто. Никто!

«А чего я ожидала?» – вновь спросила себя она, бредя по чаще леса, уронив руки вдоль платья и задрав голову к небу, пытаясь не выпустить рвущиеся наружу слезы. – «Он граф, а я... кто я? Простушка. Лесная ведьма. Никто... я для него... никто. Как же могло быть иначе?»

Обессиленно привалившись к стволу ближайшего дерева, Элиза обняла его, уткнувшись лбом в шершавую, пахнущую смолой кору, словно надеялась, что так у ее печали будет меньше свидетелей, и разрыдалась в голос.

Пытаясь отыскать в своем разуме хоть что-то успокаивающее, она вспоминала, как во время своего бегства краем уха услышала, что Гийому нашли нового учителя. Злорадство, родившееся в ее душе, отчего-то заставило поток слез чуть стихнуть. Она знала, что обычно происходит с теми, кто пытается учить юного графа. Кем бы ни был этот человек, с Гийомом ему придется несладко, и мысль о его предстоящих мучениях заставила Элизу мстительно улыбнуться сквозь рыдания.

«Удачи вам, месье, кем бы вы ни были», – язвительно пожелала она этому незнакомцу, с удовлетворением думая о том, как тому достанется за то, что появился так не вовремя.

Мужчина со светло-русыми волосами, одетый во все черное, стоял, сцепив руки за спиной. Он с интересом глядел в окно, наблюдая за бурной жизнью во дворе графского дома.

Несмотря на почти болезненную худобу, он не производил впечатления слабого: идеально ровная спина, спокойный взгляд и твердость, с которой он стоял, намекали на то, что этот человек чувствует себя уверенно, даже будучи гостем в чужом доме. В его лице с выступающими от худобы скулами словно было что-то лисье. Более внимательный наблюдатель мог бы разглядеть небольшие петли у него на поясе, предназначавшиеся для ножен. Сейчас они пустовали, но можно было сделать вывод, что этот мужчина привык носить с собой оружие.

Услышав громкий звук приближающихся шагов, он повернулся, слегка прищурившись: после яркого света из окна в полумраке залы поначалу было сложно что-то разглядеть.

Створки дверей с грохотом распахнулись, заставив проходящую по коридору служанку взвизгнуть.

Высокий светловолосый юноша замер в дверях, обшарил взглядом помещение, и, оставив взгляд на госте, изучающе сузил глаза. Его доходящие до середины шеи волосы сильно растрепались от быстрой ходьбы, присобранная на поясе длинная синяя рубашка небрежно смялась. Лыдисто-голубые глаза, тонкие скулы и брови вразлет добавляли ему сходства с каким-то хищным животным, которого только что оторвали от охоты или разбудили.

Не отрывая взгляда от гостя, граф вошел в помещение, медленно опустив руки. Если мгновение назад он почти бежал, то сейчас вдруг зашагал медленной, нарочито расхлябанной походкой, нехарактерной для знатной особы. По его внешнему виду гость довольно быстро заключил, что юный граф не совсем трезв.

Выйдя на середину залы, молодой человек хищно осклабился, отвесив непрошеному гостю манерный поклон, и с деланной восторженностью вскрикнул:

– Добрый день!

В его голосе сквозила такая неприкрытая издевка, что, казалось, ее бы различил и глухой. Чаще всего людей такая манера вводила в замешательство, однако гость лишь вежливо кивнул в ответ, прикрыв глаза с истинно христианским смирением.

– И вам, – тихо ответил он.

– Это вас прислали меня учить? – Юноша заложил руки за спину и задрал подбородок, резко убрав с лица улыбку.

– Боюсь, формулировка не совсем верна. Никто не присылал меня к вам, я лишь услышал весть о том, что вам требуется учитель фехтования, и изъявил желание явиться к вашим родителям, чтобы предложить свою кандидатуру. Поговорив со мной, они, надо думать, сочли меня достойным соответствующей должности – равно как и я нашел их предложение интересным.

Все это было произнесено спокойным, ровным, ничего не выражающим голосом. От такой манеры Гийом почти растерялся. Ему стоило огромных усилий снова собрать свою нарочитую дерзость в кулак и сохранить тон по-прежнему пренебрежительным. Желание вызвать у этого человека неприязнь теперь перемежалось с острой потребностью сбить с него спесь.

– Вот как, – юноша приподнял брови.

– Меня зовут Ансель де Кутт, – представился гость.

«И почему он такой раздражающе вежливый?!»

– Гийом де'Кантелё. Хотя, вы, наверное, и так в курсе. Но это неважно! – Не убирая рук из-за спины, Гийом сделал шаг навстречу гостю и придал лицу картинно скорбное выражение. – Видите ли, *месье де Кутт*, дело в том, что я не хочу у вас учиться.

Гийом помнил, в какой ступор такая постановка вопроса ввела пожилого напыщенного преподавателя риторики. Обученный ведению споров и дискуссий старик отчего-то совершенно растерялся перед лицом дерзости и напора юного графа. Гийом тогда испытал истинное наслаждение, разясняя неудавшемуся наставнику, что учиться риторике у теряющих дар речи стариков – бессмысленная затея.

Однако на этот раз все вышло иначе.

– Не хотите учиться *фехтованию* или не хотите учиться *именно у меня*? – без тени обиды или раздражения уточнил Ансель. – В первом случае прошу меня простить: выходит, я по какой-то причине был введен в заблуждение. Как, впрочем, и ваш отец, рассказавший мне о ваших стремлениях. Во втором, – он чуть помедлил, – с вашего позволения, я хотел бы знать, почему.

Гийом победно хохотнул.

«Вот оно! Пора поставить его на место».

– Ха! Да потому что... – Гийом начал говорить почти скороговоркой, быстро и воодушевленно, однако отчего-то оборвался на полуслове, понимая, что не может найти толковых объяснений. Он призадумался, помедлил и глубоко вздохнул.

– «Потому что»? – с едва заметным намеком на улыбку подтолкнул Ансель.

Гийом поджал губы. Что-то вдруг заставило его ответить *честно*.

– Потому что, знаете ли, в этой семье есть обычай нанимать мне чрезвычайно назойливых наставников. Каждый, кто хотел чему-либо меня научить, очень быстро принимался меня *воспитывать*. Вероятно, я сужу о вас предвзято, – он манерно взмахнул рукой, – но я видел многих учителей, и мне сложно представить, что с вами все будет иначе.

Ансель понимающе кивнул.

– Вы основываетесь на своем личном опыте и доверяете своим суждениям. Я ценю такой подход. И все же я подозревал, что опыт в общении с людьми в каждом отдельно взятом случае должен быть подкреплён личным впечатлением, полученным непосредственно от них.

Гийом прищурился. Фраза показалась ему немного сложной, чтобы чуть захмелевший разум сумел воспринять ее. Он всячески попытался не показать этого, одновременно борясь с желанием переспросить.

– Не понимаете? – дружелюбно улыбнулся Ансель.

– Я не... – Гийом нахмурился. – С чего вы взяли?

– Видите ли, когда я говорю о таких вещах, многие молодые люди, вроде вас, искренне не понимают, о чем я. Вероятно, я сужу о вас предвзято, но я видел многих учеников, и мне сложно представить, что с вами все будет как-то иначе.

Гийом сжал челюсти так, что у него скрипнули зубы. Однако колкость Анселя не могла не вызвать у него мысленного восторга. Никто из его учителей прежде не смел вести себя с ним *так*. И ведь обвинить Анселя де Кутта хотя бы в намеке на грубость было невозможно!

«Вот ведь...» – с досадой подумал Гийом и вздохнул.

– Ладно, положим, я вас не понял, – нехотя признал он. – Вы поясните?

Ансель кивнул.

– Я хотел лишь сказать, что не знаю, чем именно создал у вас впечатление, будто собираюсь вас *воспитывать*, но такой цели я никогда не преследовал. Вы, конечно же, вправе мне не поверить, но – как и вы со мной – я сейчас был с вами предельно честен.

Гийом посмотрел на него с подозрительностью. Он готов был признать, что подобным умением убеждать и удивительно спокойной, собранной манерой говорить, пожалуй, не обладал ни один из его предыдущих горе-наставников. Все они отчего-то *боялись* Гийома, а этот Ансель – нет. И все же были и другие учителя, которые подавали надежды, но не оправдывали их. Гийом не хотел тратить время еще на одного.

– Боюсь, у меня нет желания проверять, врите вы или нет. С куда большей охотой я сейчас прокатился бы верхом. Ах да... этим, пожалуй, и займусь.

Слегка поклонившись – по своим меркам, даже более-менее учтиво – Гийом развернулся и направился к выходу.

– Боюсь, с этим могут возникнуть затруднения, – тихо проговорил Ансель.

– Простите? – Гийом остановился на полдороги, уставившись на него с утихшей было злостью.

– Я попросил слуг не пускать вас на конюшню. – Он будто бы равнодушно пожал плечами и добавил: – Сегодня.

«А ты крепче остальных, чертов пройдоха!» – усмехнулся про себя Гийом.

– Вот как! – На лице его появилась и тут же потухла ухмылка: к собственному удивлению, Гийом заметил, что повторяется в своих высказываниях. А ведь умение как следует огоршить горе-наставников он считал своим особым представлением, на котором повторные реплики были дурным тоном.

Гийом заставил себя собраться с силами.

– Интересно было бы знать, и как, по-вашему, они мне помешают?

– Вам просто не выдадут упряжь. К тому же, я попросил привратников закрыть главные ворота и не открывать их вам, – он кивнул, – сегодня. Выехать верхом через ход для прислуги, насколько я понимаю, проблематично. – Ансель слегка пожал плечами, с легкостью выдерживая уничтожающий взгляд молодого графа.

– А вы, я смотрю, провели большую подготовку, – хмыкнул Гийом. – Но все напрасно, месье де Кутт. Видите ли, я не настолько беспомощен, чтобы не суметь открыть ворота самостоятельно. Думаете, слуги вторят вашей дерзости и остановят меня?

Ансель не ответил, а лишь расцепил руки, которые до этого все время держал за спиной, и красноречиво подбросил на ладони внушительную связку ключей.

– Боюсь, вас остановит замок. Как и в случае с кладовой, в которой хранится конная упряжь, и оружейной, где вы держите арбалеты. Боюсь, моя изначальная формулировка была недостаточно точной. Позвольте мне исправить эту оплошность: даже если вам *захотят* открыть ворота, такой возможности не будет.

Некоторое время Гийом стоял, не шевелясь, будто не мог поверить в происходящее.

– У слуг тоже есть ключи, – возразил он и уловил в собственном голосе легкую беспомощность. Несколько минутами ранее она привела бы его в неистовство, однако сейчас он был слишком ошеломлен, и это чувство затопило его полностью.

– Они тоже у меня. Я попросил слуг одолжить мне их на время нашего разговора. Под мою ответственность. Они согласились. Люди в вашем доме очень добры. – Ансель улыбнулся, смиренно прикрыв глаза, и про себя искренне поблагодарил слуг за оказанное доверие, а старшего графа и графиню Кантелё – за то, что выделили ему некоторое количество полномочий для выполнения задачи, за которую он взялся.

Ошеломление, наконец, схлынуло, и Гийому пришлось осознать, что этот выскочка сумел обхитрить его. Юноша скрипнул зубами, развернулся и снова направился к выходу. Единственным его желанием было сбежать как можно дальше отсюда – хотя бы и просто назло этому человеку. Он не сомневался, что придумает, как пробраться в конюшню, обдурить слуг – все это никогда не представляло для него особой сложности.

Однако при следующем его шаге створки дверей вдруг резко захлопнулись прямо у него перед носом, и он едва не врезался в них, не сумев сразу остановиться. С другой стороны послышался звук запираемого засова, и Гийому показалось, что он попал в какой-то безумный сон.

Несколько мгновений он стоял, тупо глядя на закрытую дверь. Осознание, что он заперт против воли в одном помещении с этим Анселем, доходило до него постепенно. Пришлось приложить огромные усилия, чтобы сохранить самообладание.

– Вы все предусмотрели, да? – елеинным голосом проговорил он, медленно поворачиваясь и склоняя голову набок.

Ансель лишь пожал плечами. Он будто бы удивлялся, что никто не додумался поступить так до него, но не озвучил это недоумение вслух, дабы не обижать своих предшественников.

Гийом тем временем продолжал кипеть от злости.

– Задумали просто запереть меня? – хмыкнул он. – Я же говорил: с вами не будет иначе! Вы сказали, что не хотите воспитывать. Однако что же вы делаете сейчас?

Он почувствовал, что эти обличительные речи могут все же помочь достучаться до Анселя де Кутта.

– Вы, верно, мните себя человеком чести. Высоких нравов и принципов, – он прищурился. – О, да! Вижу, так и есть. – Гийом сделал шаг навстречу Анселю, слегка покачнувшись. – Так вот спешу сообщить вам, месье де Кутт, вы – не более чем простой *лжец*! Вы солгали мне только что.

По лицу Анселя пробежала едва заметная тень. Гийом заметил ее и решил, что выбрал правильный метод борьбы.

– Почему вы хотите меня учить? – продолжал напирать он. – Я вам не нравлюсь, уж это точно! И, знаете, что? – Он широко улыбнулся, посмотрев на Анселя с искренним вызовом. – Я не изменюсь. Вы питаете надежды, что в отличие от всех других наставников сумеете воспитать меня на радость отцу и матушке, но вы обманываете себя! Я останусь таким, как сейчас. А вам, даже если вы продолжите упрямиться, придется мучиться со мной, понимаете? – Он сделал еще шаг навстречу, снова покачнувшись. – *Понимаете?*

Ансель изучающе посмотрел на Гийома. Мысль, посетившая его изначально, лишь подтвердилась – юноша был нетрезв.

– Может, ты сядешь? – Он миролюбиво кивнул на стоящие вокруг длинного стола резные стулья. Юный граф лишь презрительно отмахнулся, увлеченный своим монологом.

– Зачем вам это все? Куда проще для нас обоих было бы, если б вы прямо сейчас убралесь восвояси, а я бы догнал хорошенькую девицу, которую мне пришлось прогнать, и продолжил бы вечер в ее обществе. – Гийом ослабил, явно бахвалясь. Ансель в ответ заметно нахму-

рился. Юноша заметил его недовольство, и предпочел надавить: – Вы ведь понимаете, о чем я толкую, месье де'Кутт? Я говорю о...

– Понимаю, – оборвал Ансель с неожиданной жесткостью. – Нет необходимости подробно расписывать, что ты имеешь в виду.

– Отчего же не расписать? Так уж вышло, что я люблю эту тему, да смилостивится Господь над моей низменной душой за мои пороки. – Гийом небрежно пожал плечами, картинно закатив глаза. – Так что, если вы все же возьметесь меня учить, то постоянно будете слышать от меня нечто подобное. Другие мои рассуждения вам тоже не понравятся, а их у меня предостаточно. Я клянусь вам, это будет не работа, а пытка.

Ансель на миг устало прикрыл глаза, но ничего не сказал.

– Я ведь *уже* успел надоесть вам, – миролюбиво заявил юноша. – К чему такие мучения?

– Боюсь, ты не так много знаешь о мучениях, юноша, – отозвался Ансель, и что-то в его голосе заставило Гийома чуть присмиреть. – Что до твоего обучения, – он вздохнул, – я не склонен так легко менять свои решения. И пока оно остается прежним. Если ты мнишь себя единственным молодым человеком с собственными воззрениями, со склонностями к похоти, с избытком упрямства и с крепким норовом, ты глубоко заблуждаешься, а также недооцениваешь мое терпение.

Уже в который раз за этот разговор Гийом оторопел. Он не знал, что сказать. Сейчас он прекрасно понимал, как чувствовал себя тот учитель риторики, которого он прогнал, и подумал, что Господь решил воздать ему за тщеславие.

– Вы... что, действительно хотите стать моим учителем?

Ансель не изменился в лице.

– Я уже дал твоим родителям соответствующее обещание. Отказаться от него за один разговор было бы неразумно, учитывая, что непосредственно к тренировкам мы даже не приступили, и никаких аргументов, указывающих на твои конкретные претензии ко мне по поводу обучения, я не услышал.

Гийом сделал шаг назад, снова с интересом вглядываясь в собеседника. Охватившее его до этого раздражение испарилась, отчего-то сменившись любопытством, несмотря на тот факт, что его практически силой заставили вести этот разговор. Применить силу к безоружному мужчине, просто-напросто отняв у него ключи, граф почему-то даже не помышлял.

«Да кто же ты такой, черт тебя побери? Почему ты так себя ведешь? Что тебе нужно?» – думал он, глядя на Ансея. – «Зачем... я тебе?»

– Обещание, – он нахмурился, – это сильная вещь. Вы – человек слова, верно, месье де Кутт? Вы не отступитесь?

– Рад, что ты, наконец, это осознал.

Гийом вздохнул.

– Что ж, так и быть. – Он прищурился. – Но я все еще не понимаю, зачем это вам. Интересно, через сколько дней вы будете тайно замышлять грех убийства в отношении меня? Странно, что вы *уже* не мечтаете об этом. Или мечтаете? – Он хитро прищурился, вопрошающе кивнув, но Ансель, похоже, не оценил эту шутку, он лишь строго взглянул на новоиспеченного ученика.

– Лучше сразу приступить к тренировкам.

И снова ему удалось удивить юного графа.

– Сразу, то есть... сейчас? – опешил Гийом.

– Да. Не вижу причин откладывать. Ты ведь уже почти протрезвел.

– А вам... разве не нужно отдохнуть с дороги? Осмотреться? Поесть? Хоть бы расположиться с вещами в отведенной вам комнате?

– Я это уже сделал. Я трачу на такие вещи немного времени. – Ансель улыбнулся краешком губ, снисходительно наблюдая за удивлением на лице ученика. – Не они обыкновенно

занимают мое внимание. Так что предлагаю идти, я уже заприметил на территории ваших владений несколько мест, хорошо подходящих для отработки начальных навыков боя на мечях.

Ансель направился к двери, которую в этот момент как раз вновь открыли. Проходя мимо графа, он небрежно бросил ему связку ключей, и Гийом поймал ее на лету.

Помедлив несколько мгновений, юноша качнул головой, усмехнулся и, сжав ключи в руке, направился за учителем.

‡ 1353 ‡

Кантелё, Франция

Год 1353 от Рождества Христова

Сосредоточенно нахмурившись, Элиза отлила в миску ровно половину содержимого пузырька. Слишком большое количество этой настойки могло вызвать нежелательные последствия, в то время как правильное количество укрепляло тело и дух. Так работал принцип умеренности, которому Элиза обучалась с детства. Важна была точность, чтобы получить необходимый эффект без вреда.

Чем дольше Элиза училась, тем ловчее и бесстрашнее смешивала снадобья и тем увереннее делала сборы в лесу и в полях, почти безошибочно выбирая из сплошного зелено-коричневого разнообразия именно те травы и корешки, которые ей были нужны. Она обладала настоящим талантом к травничеству – куда *большим*, чем ее мать в свое время. Фелис опиралась на знания и не забывала про толику удачи, Элиза же внимательно прислушивалась к своим чувствам: ориентировалась по запаху, определяла силу действия настоек по цвету, густоте, времени выдержки и даже по тому, в какой день были собраны ингредиенты – в солнечный, дождливый или ветреный. При этом она по возможности старалась делать свои «зелья» приятными на вкус, что прибавляло им цены в глазах людей.

Рени иногда помогала сестре с приготовлениями, но такого же интереса к работе с травами не проявляла. Куда больше ее привлекали гадания – древняя традиция рун, оставшаяся в роду Фелис от далеких предков, приводила Рени в настоящий восторг. Однажды увидев камушки с рунами у заезжей приятельницы Фелис, девочка впервые проявила несвойственную ей энергичность, упрашивая научить ее гадать. В тот же день она начала свое обучение, а Элиза выторговала у деревенского плотника ненужные деревяшки, на которых под руководством матери и ее подруги вырезала для Рени нужные значки. Фелис приобрела для племянницы на ярмарке дорогой шелковый мешочек. С тех самых пор Рени не расставалась со своими рунами. Видя, что интерес ее не угасает, Фелис сумела раздобыть для нее каменные руны – она так и не сказала, у кого их приобрела. Одним из талантов Фелис было умение хранить тайны, искусно делая вид, что у нее нет никаких секретов.

Со временем руны даже начали приносить Рени небольшой заработок. Несмотря на суеверный страх перед гаданиями, селяне не могли устоять перед искушением узнать свое будущее, и тайком обращались к ней.

Элиза опасалась, что за неприятное предсказание кто-то может обидеть ее сестру, но люди в округе на это не решались. Слишком уж они боялись возможного гнева, который могли на себя навлечь. Гнева Элизы, метко стрелявшей из лука и способной приготовить яд, ее загадочной матери, которая, если верить слухам, могла проклясть одним лишь словом, и графского наследника, отчего-то питавшего симпатию к этой троице.

Резкий стук в дверь заставил Элизу вздрогнуть, и она чуть не вылила в миску больше жидкости, чем нужно. Выругавшись сквозь зубы, она вовремя отдернула руку и обернулась. Рени с интересом подняла голову и посмотрела на дверь, к которой уже направлялась Фелис. Однако гость вошел, не дожидаясь, пока ему откроют. Он застыл на пороге в замешательстве, глядя на преградившую ему путь женщину, и отчего-то вытянулся по струнке под ее взглядом.

– М-мадам Фелис, – обратился он так, словно собирался доложить обстановку на фронте генералу.

– Какая я тебе мадам, ваше сиятельство? – фыркнула Фелис в ответ, упирая руки в боки и ухмыляясь. – Я, что, похожа на замужнюю?

Юноша растерянно поводит глазами из стороны в сторону, словно искал поддержки. Фелис расплылась в улыбке: его смятение искренне ее позабавило.

– Ох, ну что же ты замер? Заходи. Только без всяких там «мадам».

Гийом кивнул, смущенно проведя рукой по волосам, и шагнул в дом.

Рени, увидев его, дружелюбно улыбнулась и вернулась к травам, которые лениво толкла в ступке. Она неплохо относилась к нему, однако не испытывала желания общаться близко.

Элиза отставила пузырек и миску и выжидающе уставилась на графа. Вместо приветствия она лишь вопрошающе приподняла брови. Весь ее вид говорил: «что тебе здесь надо?», но вслух она не произнесла ни слова.

– Чем заняты? – Гийом подошел к ней и с интересом глянул на стоящую на столе миску и на ступку в руках Рени.

– Колдуем. Приворотные зелья, варева, превращающие непослушных детишек в жаб и слизней, и тому подобное, – усмехнулась Фелис, опередив Элизу, собравшуюся ответить правдиво. – Ну что ты уши развесил, ваше сиятельство? Еще немного, и решу, что поверил! Можно подумать, ты в первый раз это видишь.

– Да уж не в первый, – неловко улыбнулся Гийом. Обычно он заговорщицки усмехался колкостям Фелис, которая не упускала возможности посмеяться над местными суевериями. Однако сегодня Гийом остался серьезным. Мысли его витали далеко отсюда. – Я просто хотел... – Он пожевал губу. – Вы сильно заняты?

– Да! – Голос Элизы прозвучал резко, а ответ сорвался с губ слишком быстро. Фелис посмотрела на нее, удивление быстро сменилось пониманием, но Элизу это понимание не успокоило. Она знала, что, несмотря на свою хваленую проницательность, мать толкует ее поведение по-своему и частенько подставляет ее своими действиями. Именно так она поступила сейчас.

– Глупости, ничем таким важным *она* не занята. – Фелис небрежно взмахнула рукой. – Идите, гуляйте. Элиза, что ты вцепилась в эту свою настойку? Никуда она от тебя не денется. Идите-идите!

Гийом и Элиза невольно обменялись беспомощными взглядами. Лица обоих тут же вспыхнули багрянцем. Миг спустя с их губ слетел почти одновременный протест:

– Но ведь я даже не сказал, что хотел позвать...

– Матушка, ну почему ты всегда...

Фелис приподняла руку, умудрившись моментально прервать этот гомон, и картинно выпучила глаза, указав им на дверь.

– До чего же вы забавные, сил моих нет! – добродушно усмехнулась она. – Ну-ка пошли вон отсюда оба! Не наводите скуку на старую каргу.

Старая карга? Из уст столь привлекательной женщины подобное замечание звучало нелепо. Вряд ли кто-либо из заглядывавшихся на нее мужчин хоть на минуту задумывался о ее возрасте. Фелис относилась к тому типу людей, которые даже при пробившейся седине и легких морщинках выглядели молодо и источали энергию жизни, которой могли бы позавидовать некоторые юноши и девушки.

Поняв, что спорить с матерью бесполезно, Элиза тяжело вздохнула и понуро зашагала к двери. Самодовольный взгляд матери буквально обжигал ей спину.

– Доброго вам вечера, – неловко перемявшись с ноги на ногу, сказал Гийом и поспешил на улицу.

Отойдя на некоторое расстояние от дома, чтобы ее слышал только граф, Элиза дала волю накопившемуся недовольству.

– Надо же! – презрительно прошипела она, вздернув подбородок. – Его сиятельство граф Гийом де'Кантелё, снова здесь! Вот уж не ожидала! Какими судьбами, милорд?

Гийом досадливо поморщился и отвернулся. Ему было тяжело выдерживать злость Элизы. Не зная, куда себя деть, он пнул валявшийся на дороге камень и растерянно передернул плечами.

– Не начинай, – буркнул он. – Не так уж давно я приходил, всего несколько недель прошло.

– Как мило, что ты вспоминаешь о своих друзьях хотя бы раз в несколько недель, Гийом! Я польщена, – холодно произнесла она.

– Ну хватит! – воскликнул Гийом и тут же потупился. – Я пришел сразу же, как... появилась возможность. И... – Он неловко пожевал губу. – Вообще-то, мне нужен совет.

Гнев Элизы сменился искренним удивлением.

– Совет? – переспросила она.

– Да. Хочу услышать мнение. – Он замялся и добавил: – Твое.

Элиза недоверчиво прищурилась, а губы исказились в нехорошей улыбке.

– *Мое*. Не Ансея. Ну, ничего себе! Откуда такая перемена?

– Его нет дома.

«Именно об этом я и хочу поговорить», – хотел закончить он, но замолчал и едва не отступил на шаг, почувствовав на себе на редкость злой взгляд Элизы. Лицо Гийома вытянулось – почти беззащитно.

Почему она злится на него? Почему так холодна и бессердечна к нему? Он ведь просто пытался быть честным.

– Так, стало быть, только его отсутствие побудило тебя сюда явиться? – спросила Элиза, и ее тон чем-то напомнил змеиное шипение.

– Да! – осуждающе выкрикнул Гийом.

Злость Элизы развеялась, но совсем не так, как он ожидал. Взгляд ее сделался беспомощным и растерянным. Она отшатнулась, будто от удара. Гийом понял, что проявил чрезмерную грубость, только не уследил, какую именно. Его глаза наполнились отчаянием и мольбой. Он пришел не для того, чтобы обижать Элизу, ему нужна была ее помощь. А значит, он должен был все исправить. Сделать что-то, чтобы все наладилось. Но что?

«Что я должен сделать? Как мне все исправить? Я же не могу постоянно вот так... это невозможно!»

– А еще я по тебе скучал! – выпалил он.

Пару мгновений Элиза стояла и смотрела на него со смесью чувств, которая была слишком сложна для его понимания. Но затем взгляд ее смягчился, на губах появилась потеплевшая улыбка.

– Я тоже скучала, – сказала она.

Гийом почувствовал непередаваемое облегчение. Поддавшись порыву, он заключил девушку в объятия. Когда она отстранилась, глаза ее смотрели с надеждой, и сейчас Гийом прекрасно понимал, чего она хочет. Он и сам отчаянно этого хотел. Прижать ее ближе, поцеловать, вернуть тот миг, когда...

«Нет! Нельзя. Я еще не разобрался, я еще не понимаю».

Он чувствовал, что Элиза всем телом тянется к нему, и с усилием заставил себя увеличить расстояние, разделявшее их. Он прекрасно знал, что это опечалит ее, и отвернулся, чтобы она не увидела мучительную гримасу, исказившую его лицо. Элиза не понимала, почему он так себя вел, а он не представлял, как ей это объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.